



Евгений
Морозов

Информация тяготеет
к свободе, но этого мало:
свободными должны быть
и те, кто ею обменивается

ИНТЕРНЕТ КАК ИЛЛЮЗИЯ

Обратная
сторона Сети

Евгений Морозов

Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206286

*Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Евгений Морозов; пер. с англ. И. Кригера.: АСТ : CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084792-1*

Аннотация

Что такое интернет – бескрайнее море возможностей или мутная вода, где легко стать жертвой корпоративных интересов и пропаганды? Является ли интернет проводником демократии? Можно ли устроить настоящую революцию при помощи “Твиттера” или “Фейсбука”? Кто успешнее использует социальные сети – диктаторы или те, кто с ними борется? В книге “Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети” политолог, автор термина “твиттер-революция” Евгений Морозов ставит под сомнение правомерность постановки таких вопросов. Он спорит с “киберутопической” верой в то, что современные технологии сами по себе способны решить проблемы общества или отдельных людей – они лишь инструмент, которым можно по-разному воспользоваться. Морозов предлагает новый, критический взгляд на феномен интернета и новый язык, которым можно о нем говорить.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Введение	7
Глава 1	13
Да здравствует “Гугл”!	16
Невообразимые последствия воображаемой революции	19
Революции требуются рыцари	23
Оружие массового сооружения?	26
NASDAQ спасет мир?	28
Милкшейк или коктейль Молотова?	30
Хипстеры на баррикадах	32
Инструмент без рукоятки	34
Глава 2	36
Гнездо для “ястреба”	38
Холодная кибервойна	41
Опасные аналогии	43
Фотокопии – это не записи в блоге	45
Чей твит прикончил СССР?	47
Товарищ! Придержи информационную гранату	49
Когда радио сильнее танков	51
Глава 3	53
Как кабельное ТВ вредит демократии	55
“Денверский клан” берет Восточный Берлин	57
Опиум для народа: сделано в ГДР	59
“Аватар” в Гаване	61
Недовольство в Сети и довольные интеллектуалы	64
Между Оруэллом и Хаксли	66
Жить станет не лучше, но точно веселее	69
Троица авторитаризма	71
Глава 4	73
Институты – это важно	75
Кремль любит блоги – полюбите их и вы	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Евгений Морозов

Интернет как иллюзия.

Обратная сторона сети

Посвящается Арно ван Линдену

Evgeny Morozov

The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom

Перевод с английского Ильи Кригера

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© 2011 by Evgeny Morozov

© И. Кригер, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО “Издательство АСТ”, 2014 Издательство CORPUS ®

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие к русскому изданию

Я закончил черновик книги “Интернет как иллюзия” в мае 2010 года, ровно четыре года назад, — еще до скандала с утечкой американской дипломатической переписки, до “арабской весны” и Сноудена. Большинство читателей (по крайней мере, из США и большинства стран Западной Европы) нашли, что я настроен чересчур пессимистично и склонен переоценивать изобретательность правительств и недооценивать политических активистов. Я не согласился: по-моему, всегда полезно готовить себя к худшему.

Теперь, когда “Интернет как иллюзия” выходит на русском языке, я не могу сказать, что мой пессимизм не оправдался (и это отнюдь меня не радует). Перечитав книгу сегодня, я увидел, что мои прогнозы четырехлетней давности (во всяком случае, касающиеся России) оказались отчасти верны, отчасти ошибочны. Одной из причин, по которым я взялся за сочинение этой книги, было желание разобраться в изменчивой и многомерной природе контроля над интернетом. Когда многие западные исследователи увлеченно подсчитывали, сколько веб-сайтов заблокировано в той или иной стране, я подозревал, что эти цифры мало о чем говорят. Ведь прямая и жесткая цензура — это крайняя мера, а дальновидные правительства, желающие сохранить контроль, должны прибегать к более изощренным и менее очевидным мерам.

Поэтому я обратился к явлениям наподобие онлайн-пропаганды, сетевой слежки и *DDoS*-атак. Законодательство (приравнявшее блогеров к СМИ, что требует получения лицензии) — гораздо более ощутимый шаг по сравнению с этими мерами, но мы должны говорить и о них. В более широком смысле я хотел сказать, что интернет кажется неконтролируемым, лишь если мы очень узко определяем контроль над ним. Под это определение подходят случаи, когда государственные органы блокируют некий сайт и немедленно возникает другой с теми же задачами.

Такой подход очень многих убедил в том, что киберпространство бесконтрольно и что там граждане одержали победу над государством. Этот взгляд всегда казался мне наивным, поскольку он не учитывает иные доступные правительству способы давления. В самом деле, что же хорошего в возможности открыть сайт, если за это вас уволят с работы? Традиционные методы контроля, которые государство совершенствовало столетиями, успешно применяются и сейчас, что бы там ни говорили о цифровой эпохе пророки новых медиа.

Не был ли я в 2010 году слишком оптимистичен в прогнозах относительно России? Не уверен, что стоит говорить здесь об “оптимизме”. Даже если власти прибегают к не столь заметным и жестким методам контроля (то есть к пропаганде или кибератакам, организаторы которых остаются неузнанными), последствия не менее губительны. События последних четырех лет в России указывают на переход правительства к грубым мерам вроде заключения неугодных в тюрьму и откровенного блокирования сайтов. Имеют место и плохо замаскированные попытки взять под опеку крупнейшие социальные сети страны. В своей книге я пишу, кроме прочего, о том, что подобные методы требуют немалого социального капитала и что политический режим, озабоченный своей репутацией за рубежом, не станет прибегать к цензуре, если у него есть другие варианты. Я полагаю, что сейчас Кремль не слишком беспокоится о своем имидже — а пока это так, не стоит удивляться участившемуся использованию мер прямого контроля.

Хотя информация о России в книге может показаться отчасти устаревшей (в конце концов, прошло уже четыре года), я думаю, что “Интернет как иллюзия” стала лишь актуальнее. Несколько лет назад российские активисты возлагали большие надежды на новую “цифровую политику”. Эти надежды, как мне кажется, испарились. Но это не значит, что цифровые

технологии не могут быть помощниками: многое зависит от того, в чьих они руках, легко ли ими управлять, уязвимы ли они перед кибератаками.

Многие расценили мою книгу как признание поражения, как призыв вернуться к политическим методам “аналоговой” эпохи, однако я не считаю этот совет разумным. Я хотел распространить знания о новых методах цифрового контроля отчасти для того, чтобы сетевые сообщества, еще упивающиеся видениями цифровой утопии, взглянули наконец в лицо действительности и приступили бы к выработке средств и методов, которые устоят под давлением изоощренных ответных мер государства.

Это соображение не устарело и сейчас: нет смысла конструировать противоцензурные инструменты, пока заинтересованные лица могут, избив где-нибудь в подворотне администраторов таких сайтов, получить доступ к личной информации пользователей. Мы мало чего добьемся, пока не признаем, что контроль над цифровыми сетями многогранен (и что нашего внимания заслуживает не только техническая сторона вопроса, но и человеческий, юридический и финансовый факторы). Если бы я писал книгу сейчас, то многие ее главы, конечно, сильно отличались бы от нижеследующих, – например, потому, что комплекс мер по пресечению антиправительственной деятельности в Сети не статичен, он меняется в ответ на новые угрозы. Поэтому меры по контролю над интернетом в 2010 году соответствовали обстановке 2010 года, а нынешние методы, следовательно, соответствуют политическим и социальным угрозам сегодняшнего дня. Только рассматривая государственный контроль над сетью в динамике, в контексте новых обстоятельств, можно бороться с ним – и победить.

Бостон 13 мая 2014 года

Введение

Всем, кто желал победы демократии в самых неблагоприятных и непривычных для нее условиях, первое десятилетие XXI века принесло разочарование, если не крушение иллюзий. Казавшаяся неудержимой освободительная волна, поднявшаяся в конце 80-х годов, не только остановилась, но и, похоже, хлынула вспять.

Выражения вроде “рецессия свободы”, прежде циркулировавшие в аналитических центрах, стали входить в общественный оборот. Все больше западных политиков начали признавать, что место “Вашингтонского консенсуса” (набора сомнительных мер, обещавших с большой скидкой рай неолиберального образца) занял “Пекинский консенсус”, который обещает народам скорейшее процветание без малоприятной возни с демократическими институтами.

Запад не сразу понял, что сражение за демократию не окончилось в 1989 году. Два десятилетия он почивал на лаврах, предоставив кофейням “Старбакс”, телеканалу *MTV* и поисковику “Гугл” довершить разгром неприятеля. Подобная политика невмешательства в применении к демократизации оказалась беззубой: оправившийся от поражения авторитаризм быстро приспособился к условиям глобализации. Современный авторитаризм – не враг гедонизму и консюмеризму. Он питает гораздо больше уважения к Стиву Джобсу и Эштону Катчеру, чем к Мао Цзэдуну или Че Геваре. Неудивительно, что Запад зашел в тупик. Советы были побеждены волшебным снадобьем, составленным из синих джинсов, удобных кофеварок и дешевой жевательной резинки, однако этот трюк неприменим к Китаю: в конце концов, именно там производятся все западные товары.

Многие признаки распространения демократии, которые мы наблюдали всего несколько лет назад, так и не стали реальностью. Волна так называемых цветных революций, прокатившаяся в последние десять лет по странам бывшего СССР, принесла неоднозначные плоды. По иронии, от цветных революций более всего выиграли наиболее склонные к авторитаризму бывшие советские республики – Россия, Азербайджан, Казахстан, – режимы которых смогли оценить свои слабые стороны и прикрыть уязвимые места. Правительство Беларуси (страны, в которой я родился и которую Кондолиза Райз однажды назвала “последним форпостом тирании в Европе”) оказалось, вероятно, наиболее ловким из всех. Здесь режим эволюционировал в странную форму авторитаризма, при котором прославление советского прошлого отлично сочетается с растущими аппетитами по большей части беспечного населения, жаждущего быстрых автомобилей, дорогих турпутевок и экзотических коктейлей.

Военные операции в Ираке и Афганистане, которые, как и многое другое, были затеяны, чтобы принести народам мира благую весть о свободе и демократии, также потеряли свой освободительный потенциал и стерли различие между “сменой политического режима” и “содействием распространению демократии”. Указанные военные кампании, вкупе с совершенно необязательными нарушениями Вашингтоном прав человека и чересчур вольной трактовкой им норм международного права, создали демократии настолько дурную репутацию, что человека, желающего ее сейчас защищать, считают фанатом Дика Чейни либо сумасшедшим идеалистом (или же тем и другим одновременно).

Поэтому очень легко забыть, что Запад вовсе не отказывался от своих обязательств защищать демократические ценности, бороться с нарушениями прав человека и одергивать тех, кто употребляет свою власть во вред собственным согражданам. К счастью, в начале XXI века больше нет нужды обосновывать пользу содействия распространению демократии: даже скептики согласны с тем, что мир, в котором Россия, Китай и Иран придерживаются демократических стандартов, будет гораздо безопаснее.

В то же время пока нет согласия в том, к каким средствам Западу следует прибегать, чтобы преуспеть в распространении демократии. События последних десятилетий ясно показали, что благих намерений для этого едва ли достаточно. Они могут легко привести к негативному результату и в итоге укрепить авторитаризм. Картины издевательств над заключенными в иракской тюрьме “Абу-Грейб” стали результатом, пусть не прямым, определенного западного подхода к распространению демократии. Он сработал не так, как планировалось.

К сожалению, с тех пор как неоконсервативный подход к демократизации дискредитировал себя, не возникло ничего, что могло бы заполнить образовавшийся вакуум. Джордж У. Буш определенно перестарался со свободолобивыми речами. Его преемник на посту президента, похоже, отказался и от риторики, и от духа предшественника и не выказывает никакого желания объяснять, какой сейчас, после Буша, должна быть “повестка укрепления демократии”.

За молчанием Обамы кроется нечто большее, чем разумное стремление казаться противоположностью Буша. Скорее всего, его молчание свидетельствует о дискомфорте, который испытывают обе ведущие американские партии, – а также о растущей усталости Запада от проекта содействия распространению демократии. Этому проекту навредила не только его дурная подача, но и глубокий интеллектуальный кризис. Изворотливость авторитарных правителей Беларуси, Китая или, например, Ирана коренится не в недостаточности попыток их западных “партнеров” поторопить приход демократической революции. Увы, подобные шаги Запада в большинстве своем оказались неудачными, они лишь укрепили положение диктаторов, преуспевающих в эксплуатации страха своих сограждан перед угрозой иностранного вмешательства. Я думаю, не будет преувеличением сказать: сейчас не существует приемлемого плана, что делать с авторитаризмом.

Запутавшиеся западные лидеры тоскуют по средству, которое обеспечило бы им успех. Многие из них оглядываются на самую впечатляющую, несомненную победу демократии последних десятилетий – мирный распад Советского Союза. Неудивительно (кто же может винить их за стремление укрепить уверенность в себе?), что они преувеличивают собственную роль в приближении конца СССР. В итоге многие меры, к которым прежде прибегал Запад (контрабанда ксероксов и факсимильных аппаратов, распространение самиздата, спонсирование радиостанций наподобие “Свободы” и “Голоса Америки”), пользуются большим доверием, чем они заслуживают.

Гордость Запада итогами холодной войны вызвана грубой логической ошибкой. Поскольку СССР распался, вышеперечисленные приемы считаются необычайно эффективными – как будто они и решили все дело. Значение этого взгляда для распространения демократии огромно: он подразумевает, что большие дозы информации и “инъекции” информационных технологий оказываются губительными даже для самых жестоких политических режимов.

Нынешний энтузиазм по поводу интернета, который, в частности, якобы поможет нам “открыть” авторитарные “закрытые” общества, объясняется пристрастным, иногда неверным взглядом на историю. Ее переписали так, чтобы воздать почести Рональду Рейгану, при этом игнорируя структурное состояние и внутренние противоречия советской системы.

По этим причинам интернет будоражит сердца стольких искушенных политиков, которым следует быть осмотрительнее. Продолжая смотреть на мир сквозь призму холодной войны, они наделяют Всемирную паутину почти магическими свойствами. Они видят в интернете абсолютное оружие, которое может помочь Западу одолеть, наконец, авторитарных противников. Учитывая, что интернет – единственный луч света в темном интеллектуальном тоннеле проекта распространения демократии, интернету гарантировано почетное место в будущем политическом планировании.

На первый взгляд прекрасная идея: очень похоже на “Радио Свобода” на стероидах. Кроме того, интернет – это дешево: нет нужды оплачивать программирование, трансляции и, если остальное ни к чему не привело, пропаганду. Ведь пользователи самостоятельно могут узнать страшную правду о государствах, в которых живут, о тайной прелести демократии и о неотразимой привлекательности, которой обладают права человека. Для этого следует просто прибегнуть к помощи поисковиков, например “Гугла”, и последовать за политически подкованными приятелями из социальных сетей вроде “Фейсбука”. Иными словами, пусть “чирикают” – и “дочирикаются” до свободы. Согласно этой логике, авторитарный режим зашатается тогда, когда будут устранены преграды на пути свободного распространения информации. Действительно: если Советы проиграли горстке памфлетистов, как сможет Китай выстоять против орды блогеров?

Едва ли удивительно, что единственное место, где страны Запада (в первую очередь США) упорно стремятся оказать содействие укреплению демократии – это киберпространство. Программа освобождения стала программой освобождения “Твиттера”. Глубоко символично, что единственной большой речью о свободе, произнесенной высокопоставленным чиновником из администрации Барака Обамы, стала речь госсекретаря Хиллари Клинтон о свободе интернета, произнесенная в январе 2010 года. На первый взгляд, это беспроигрышный вариант: даже если интернет не принесет народам Китая и Ирана демократию, администрация Обамы все равно окажется самой технически грамотной внешнеполитической командой в истории. Сегодня лучшие и талантливейшие – обязательно компьютерные гики. “Доктрина ‘Гугла’” (фанатическая вера в освобождающую силу технологий вкупе с призывами поставить под ружье стартапы из Кремниевой долины и отправить их на войну за свободу во всем мире) привлекает все больше политиков. На самом деле многие из них смотрят на революционный потенциал интернета с тем же оптимизмом, что и их коллеги в корпоративном секторе в конце 90-х годов. Что здесь может быть не так?

Оказывается – много что. Лопнувшие фондовые “пузыри” почти никого не убьют. А вот взрывы демократических “пузырей” могут легко привести к резне. Представление, согласно которому интернет благоволит угнетенным, а не угнетателям, отмечено тем, что я называю *киберутопизмом* – наивной верой в эмансипирующую природу онлайн-коммуникаций. Эта убежденность основана на упорном нежелании видеть обратную сторону вещей и проистекает из цифровой горячки 90-х годов. Бывшие хиппи, осевшие к тому времени в престижных университетах, начали шумно доказывать, что интернет сможет то, что им самим не удалось в 60-х годах: стимулировать участие людей в управлении делами общества и государства, возродить гибнущие общины, обогатить социальную жизнь, стать мостом от боулинга в одиночестве к совместному блогингу. Если это работает в Сиэтле, значит, сработает и в Шанхае.

У киберутопистов, стремившихся усовершенствовать ООН, получился цифровой цирк “Дю солей”. Даже если теории и верны – а это большой вопрос, – то их трудно применить к обществам незападным и недемократическим. Демократически избранные правительства Северной Америки и Западной Европы и в самом деле могут относиться как к благу к оживлению публичной сферы, которое вызывает интернет. Вполне логично, что они предпочитают держаться подальше от цифровой песочницы (по крайней мере до тех пор, пока не случилось ничего противозаконного). Но авторитарные правительства, которые прилагают так много усилий для подавления свободы выражения и свободы собраний, не станут вести себя столь же цивилизованно. В первых теоретических построениях о влиянии интернета на политику не нашлось места для государства, не говоря уже о жестокой и авторитарной его разновидности, не признающей верховенства права и не терпящей инакомыслия. Какая бы книга ни была настольной у киберутопистов 90-х годов, это точно не был “Левиафан” Томаса Гоббса.

Киберутописты не смогли предугадать, как авторитарные правительства воспримут интернет. Они даже представить не могли, насколько он окажется удобным для пропаганды, как ловко диктаторы научатся пользоваться им для слежки и какой хитроумной может быть цензура. Большинство киберутопистов продолжает разглагольствовать о том, что технология вооружит угнетаемые народы и что они, будучи вооружены эс-эм-эс, “Фейсбуком”, “Твиттером” и другими новинками, неминуемо восстанут. Народам, следует заметить, эти рассуждения очень нравятся. Парадоксально, но в своем нежелании видеть недостатки цифровой среды обитания, киберутописты приходят к умалению роли интернета, отказываясь замечать, что он проникает во все сферы политической жизни и трансформирует их – причем не только те, которые способствуют демократизации.

Я и сам до недавнего времени был киберутопистом. Эта книга – попытка разобраться с идеологией киберутопизма, а также предупредить о губительном влиянии, которое он оказывал и, похоже, продолжает оказывать на демократию. Моя история довольно обычна для юного идеалиста, который полагает, будто занимается чем-то, что может изменить мир. Наблюдения за тем, как свертываются демократические свободы в моей родной Беларуси, привели меня в филиал западной неправительственной организации, которая стремилась помочь укреплению демократии и реформе СМИ в бывших странах Восточного блока с помощью интернета. Блоги, социальные сети, “вики”... – наш арсенал казался нам гораздо внушительнее милицеских дубинок, наручников и камер слежения.

И все же после нескольких бурных лет, проведенных в поездках по бывшей советской республике и встречах с социальными активистами и блогерами, мой первоначальный энтузиазм угас. Негодной оказалась не только наша стратегия. Мы столкнулись с серьезным сопротивлением правительств. Тогда они начинали экспериментировать с цензурой и некоторые зашли настолько далеко, что сами начали активно сотрудничать с новыми медиа, оплачивая услуги блогеров-пропагандистов, выискивающих в социальных сетях неблагонадежных граждан. Между тем западная одержимость интернетом и, как следствие, финансовая поддержка блогосферы породили ряд ловушек, типичных для столь амбициозных проектов. Достаточно предсказуемо многие талантливые блогеры и владельцы новых медиа предпочитали заниматься высокооплачиваемыми, но малоэффективными проектами на деньги Запада, вместо того чтобы пытаться создавать более гибкие, жизнеспособные и эффективные собственные проекты. Все, что мы делали, опираясь на щедрую спонсорскую помощь Вашингтона и Брюсселя, казалось, приводило к результату, прямо противоположному тому, которого желало мое киберутопическое “я”.

Был велик соблазн бросить все и оставить интернет на произвол судьбы. Но это было бы неверно. Если бы западные политики просто сочли интернет вещь бесперспективной и перешли к другим, более важным делам, они сделали бы ошибку. Пораженчество сыграло бы на руку авторитарным правителям, успешно продолжающим использовать интернет в качестве кнута (наказывая тех, кто осмеливается бросить вызов официальному курсу) и пряника (позволяя всем остальным развлекаться). Вывод скорее таков: интернет останется с нами, его значение будет увеличиваться, а тем, кто озабочен содействием распространению демократии, придется не только иметь с ним дело, но и выработать механизмы и процедуры, которые позволили бы избежать в киберпространстве трагической ошибки такого же масштаба, как скандал в Абу-Грейбе. Это не такой уж странный сценарий. Разве трудно представить, что сайт наподобие “Фейсбука” непреднамеренно раскрыл личные данные иранских или китайских оппозиционеров и сделал их тайные связи с западными спонсорами очевидными для властей?

Чтобы достичь подлинного успеха, Западу следует не только избавиться от киберутопизма и усвоить трезвый взгляд на вещи. Когда дело доходит до конкретных шагов по укреплению демократии, киберутопические убеждения уступают место столь же ошибоч-

ному подходу, который я называю *интернетоцентризмом*. В отличие от киберутопизма, интернетоцентризм – не система воззрений, а скорее философия действия, которая объясняет, как принимаются решения, в том числе относящиеся к укреплению демократии, и как вырабатывается долгосрочная стратегия. Киберутопизм говорит о том, *что* следует сделать, а интернетоцентризм – *как* это сделать. Интернетоцентристам нравится отвечать на любой вопрос о демократических изменениях, формулируя ответ в терминах интернета и не принимая в расчет ситуацию, в которой эти изменения желательны. Они зачастую игнорируют в большой степени политическую природу техники и особенно интернета и любят предлагать тактику, которая подразумевает, что логика интернета (которую в большинстве случаев только они и способны постичь) сформирует среду, в которую он проникает, а не наоборот.

Большинство утопистов является интернетоцентристами. Однако это не значит, что все интернетоцентристы – утописты: многие из них считают себя прагматиками, которые отказались от возведения воздушных замков ради достижения реальных, ощутимых результатов. Иногда они даже готовы признать, что нужно нечто большее, чем информация, чтобы взрастить, установить и консолидировать здоровую демократию.

Но такой реалистический взгляд не предохраняет от ошибочных методов, которые отдают приоритет средству над средой и, соответственно, не учитывают социальные, культурные и политические тонкости и случайности. Интернетоцентризм сродни галлюциногенному наркотику: он заставляет игнорировать местные условия и создает у политиков ложное впечатление, будто у них есть могущественный союзник. Крайний интернетоцентризм ведет к гордыне и самонадеянности вкупе с опасной иллюзией обретения действенного контроля над Сетью. Нередко адепты интернетоцентризма воображают, что полностью овладели своим любимым инструментом. Они считают его состоявшейся, законченной технологией и забывают о многочисленных силах, которые постоянно изменяют Сеть – и далеко не всегда к лучшему. Считая интернет чем-то неизменным, они не ощущают себя ответственными за то, чтобы он оставался свободным и независимым, за то, чтобы сдерживать могущественных медиаторов – компании вроде “Гугла” и “Фейсбука”.

По мере того как будет расти влияние интернета на политику (и в авторитарных, и в демократических государствах), будет возрастать и стремление забыть о контексте и исходить из того, что предлагает интернет. Сама по себе Сеть, однако, не предлагает ничего конкретного. Обширная практика показала, что она делает сильных сильнее, а слабых – слабее. Невозможно сделать интернет плацдармом укрепления демократии, не рискуя успехом всего предприятия.

Главная мысль этой книги проста: чтобы не упустить перспективы, предоставляемые интернетом для борьбы с авторитаризмом, тем из нас на Западе, кто все еще желает расширения демократии, придется отойти от доктрины “Гугла”, оставив в стороне и киберутопизм, и интернетоцентризм. В настоящее время мы исходим из ложных предпосылок (киберутопизм) и используем непригодные методы (интернетоцентризм), имея дело не с реальным интернетом, а с собственными иллюзиями. Эта логика может привести к серьезным последствиям для всего мира и поставить под угрозу демократический проект в целом. Подобную глупость Западу совершать не стоит.

Вместо этого нам необходимо избрать политику, основанную на реалистичной оценке рисков, которые несет интернет, и скрупулезном, непредвзятом анализе его перспектив. Наши действия должны учитывать местные условия и сложные связи интернета с остальной внешней политикой: мы должны исходить не из того, что позволяют сделать современные технологии, а из того, чего требует геополитическая обстановка.

В известном смысле уступки киберутопизму и интернетоцентризму сродни боксу вслепую: время от времени мы сможем наносить сильные удары по авторитаризму, однако эта стратегия не годится, если мы хотим победить. Борьба с авторитаризмом слишком важна,

чтобы предоставлять противнику интеллектуальную фору – даже если это позволяет нам забавляться с новенькими блестящими гаджетами.

Глава 1

Доктрина “Гугла”

В июне 2009 года тысячи молодых иранцев со смартфонами в руках (а самые “продвинутые” – с беспроводными гарнитурами “блютус”) вышли на улицы Тегерана, чтобы выразить свое возмущение фальсификацией результатов выборов. Напряжение росло. Некоторые протестующие – неслыханное дело! – даже призвали Хаменеи уйти в отставку. Однако многие граждане сочли выборы честными и приготовились защищать, если потребуется, президента Махмуда Ахмадинежада, сохранившего свой пост. Иранское общество, превратившееся в поле битвы популизма, консерватизма и модернизации, столкнулось с самым серьезным политическим кризисом с 1979 года, когда исламские революционеры свергли непопулярного, проамерикански настроенного шаха Мохаммеда Резу Пехлеви.

Но не это обстоятельство привлекло внимание западных массмедиа – они предпочли размышлять о том, как интернет несет Ирану демократию. “‘Твиттер’ несет весть о революции”, – гласила первая запись в блоге Эндрю Салливана из журнала “Атлантик”, сделанная несколько часов спустя после того, как стало известно об уличных протестах. Салливан сосредоточился на устойчивости “Твиттера”, популярного сервиса микроблогов: “‘Твиттер’ выстоял, когда режим перерезал остальные коммуникации. И это дало замечательные результаты”. Позднее Салливан, хотя “замечательных результатов” по-прежнему не наблюдалось, в блоге объявил “Твиттер” “критически важным средством организации сопротивления в Иране”, но не позаботился о том, чтобы привести доказательства своей мысли. Спустя несколько часов после начала протестов блог Салливана превратился в главный информационный узел, почти мгновенно распространяющий гиперссылки на новости об иранских событиях. Тысячи читателей, не обладающих выносливостью, необходимой для просмотра сотен новостных сайтов, увидели иранские события глазами Эндрю Салливана. Как выяснилось, ему был присущ весьма оптимистический взгляд на вещи.

Очень скоро версия событий, изложенная Салливаном, распространилась в блогосфере, а потом и в традиционных СМИ. Мишель Малкин, видный блогер с правыми взглядами, сочла, что “сеть микроблогов в руках свободолюбивых диссидентов – это революционный самиздат, твит за твитом прорывающий информационную блокаду, установленную муллакратией”. Марк Амбиндер, коллега Салливана из журнала “Атлантик”, согласился с этим. По мнению Амбиндера, “Твиттер” стал вещью не просто важной, а – “протагональной” (ему даже пришлось придумать слово). “Когда будет написана история иранских выборов, ‘Твиттер’, несомненно, предстанет протагональной технологией, которая позволит слабым пережить жестокие репрессии”, – написал Амбиндер в своем блоге. Йоси Дризен из газеты “Уолл-стрит джорнал” объявил, что “этого [революции] не произошло бы, если бы не ‘Твиттер’”. Дэниел Шорр с “Нэшнл паблик рэйдио” объявил, что “тирания в Иране столкнулась с технологией в виде интернета, который превратил протест в движение”. Когда Николас Кристоф из “Нью-Йорк таймс” заявил, что в “типичном конфликте XXI века... столкнулись правительственные головорезы, стреляющие пулями... [и] протестующая молодежь, которая сыплет твитами”, он просто уловил дух времени.

Скоро ученые мужи, обрадованные тем, что их любимая игрушка на слуху у всего мира, сами возвысили голос. “Это случилось – важнейшее событие. Первая революция, достигшая глобального масштаба и преображенная социальными медиа”, – провозгласил на форуме *TED.com* Клэй Шерки из Нью-Йоркского университета. Джонатан Зиттрейн, ученый из Гарварда, автор книги “Будущее интернета: как не допустить его наступления”, заявил, что “‘Твиттер’ особенно подходит для организации людей и информации”. По мнению обо-

зревателя “Файнэншл таймс” Джона Гэппера, “Твиттер” стал “трутницей, в которой разгорелась искра восстания сторонников Мир-Хосейна Мусави”. Даже отличающаяся трезвым взглядом на вещи газета “Крисчен сайенс монитор” присоединилась к хвалебному хору: “Жесткий контроль правительства над интернетом породил поколение, умело обходящее сетевые блокпосты и подготовившее страну к появлению протестного движения, вдохновленного современными технологиями”¹.

Теперь “Твиттер” казался всемогущим: он был сильнее иранской полиции, ООН, правительства США, Европейского Союза. Он должен был не только помочь Ирану избавиться от отвратительного вождя, но и убедить простых иранцев (большинство которых страстно поддерживает ядерную программу) перестать бояться Израиля и снова стать миролюбивыми людьми. Колумнист правого журнала “Хьюман ивентс” объявил, что “Твиттер” сделал то, на что “ни ООН, ни ЕС не были способны”: поспособствовал возникновению “колоссальной угрозы иранскому режиму – движения за свободу, вспыхнувшего и организованного при помощи коротких фраз”. Автор передовицы в “Уолл-стрит джорнал” считал, что “движимая ‘Твиттером’ ‘Зеленая революция’ в Иране... прибегнув к технологии социальных сетей, сделала для смены режима в исламской республике больше, чем все многолетние санкции, угрозы и пререкания в Женеве”. (То есть “Твиттер” усовершенствовал не только демократию, но и дипломатию.)

Очень скоро обилие иранских твитов подвигло высокопоставленных теоретиков на то, чтобы сделать далеко идущие выводы о судьбах мира. Многие восприняли вдохновленные “Твиттером” протесты в Иране как знак близкого конца авторитаризма. Тим Раттен в своей колонке в “Лос-Анджелес таймс”, скромно озаглавленной “‘Твиттер’: новый кошмар тирании”, объявил, что “новые медиа раскидывают свою сеть по миру, и для авторитарных правительств вроде иранского, стремящихся установить абсолютный контроль в условиях беспорядочной технократии, наступают трудные времена”. То, что “Зеленое движение” быстро распалось и оказалось неспособным всерьез бросить вызов Ахмадинежаду, не удержало автора передовицы в “Балтимор сан” от заявления, будто интернет делает мир свободнее и безопаснее: “Мнение, что активисты тратят жизнь, строча в блогах, в то время как правительства и корпорации прибирают к рукам мир, опровергается каждым твитом, комментарием в блоге, акцией протеста, спланированной в ‘Фейсбуке’”.

Следуя той же логике, Марк Пфайфл, бывший заместитель советника Джорджа У. Буша по вопросам национальной безопасности, инициировал кампанию по выдвижению “Твиттера” на соискание Нобелевской премии мира. Он заявил, что “без ‘Твиттера’ иранский народ не чувствовал в себе силы и уверенности для защиты свободы и демократии”. Оргкомитет премии “Вебби” (*Webby Awards*, сетевой эквивалент “Оскара”) признал акции протеста в Иране “одним из десяти главных событий десятилетия для интернета”. (Иранская молодежь с ее смартфонами оказалась в хорошей компании: лауреатами премии стали также выход доски объявлений “Крейгслист” за пределы Сан-Франциско и запуск “Гуглом” сервиса *AdWords* в 2000 году.)

Но самый неожиданный вывод сделал премьер-министр Великобритании Гордон Браун: “Такого, как в Руанде, больше не случится, потому что информация о том, что происходит на самом деле, выйдет наружу гораздо быстрее и общественная реакция вынудит людей действовать. Иранские события этой недели напоминают нам о том, как новые технологии помогают по-новому объединяться и заявлять о своих взглядах”. По логике Брауна,

¹ Должен признаться, что я одним из первых угодил в “твиттер-революционную” ловушку, назвав молодежные манифестации в Молдове (за несколько месяцев до иранских) этим, как оказалось, неопределенным и вводящим в заблуждение термином. Несмотря на то, что я подробно объяснил, что именно имею в виду, это была не лучшая идея, особенно с учетом того, что в большинство СМИ попали далеко не все подробности. – *Здесь и далее, если не указано иное – примечания автора.*

миллионы людей, вышедших 15 февраля 2003 года на улицы Лондона, Нью-Йорка, Рима и других городов в знак протеста против начала войны в Ираке, совершили одну досадную ошибку: недостаточно написали об этом в блогах. Уж это точно предотвратило бы бойню.

Да здравствует “Гугл”!

На предполагаемую иранскую революцию мир не только смотрел: он ее “гуглил”, писал о ней в блогах и “Твиттере”, вывешивал ролики в “Ю-Тьюбе”. Нужно было всего пару раз “кликнуть”, чтобы вызвать вал гиперссылок, которые, казалось, проливали больше света на события в Иране (пусть в количественном, а не в качественном отношении), чем традиционные медиа, снисходительно именуемые экспертами по информационным технологиям “устаревшими”. Хотя последние (по крайней мере, в редкие моменты душевного равновесия) старались хотя бы отчасти показать фон иранских манифестаций, многие пользователи интернета предпочли сырой продукт “Твиттера” и получили столько видеороликов, фотографий и твитов, сколько смогли переварить. Виртуальная близость к тегеранским событиям, которой способствовал доступ к берущим за душу фотографиям и видеозаписям, сделанным манифестантами, вызвала в мире небывалое сочувствие делу “Зеленого движения”. Однако эта сетевая близость стала причиной завышенных ожиданий.

Спустя несколько месяцев после выборов “Зеленое движение” почти сошло на нет, и стало ясно, что твиттер-революция, которую многие на Западе поспешили восславить, – не что иное, как плод неумной фантазии. И все-таки следует признать за ней по крайней мере одно несомненное достижение. Как бы то ни было, иранская твиттер-революция выдала глубинную тоску Запада по такому миру, в котором информационные технологии являются скорее освободителем, чем угнетателем, и где с их помощью можно сеять семена демократии, а не удобрять автократии. Эйфория, которой отличается западная интерпретация иранских событий, наводит на мысль: молодежь в зеленом, строчащая во имя свободы в “Твиттере”, прекрасно укладывается в некую готовую схему, почти не оставляющую места для вдумчивого анализа, не говоря уже о скепсисе по отношению к роли, которую на самом деле сыграл интернет в тех событиях.

Яростная убежденность, что диктатуры, столкнувшиеся с достаточным количеством гаджетов, коммуникаций и иностранных грантов, обречены, демонстрирует всепроникающее влияние “доктрины ‘Гугла’”. Однако, хотя шум по поводу твиттер-революции помог сформулировать основные положения этой доктрины, вовсе не она сформировала ее принципы. Происхождение “доктрины ‘Гугла’” сложнее, чем считают многие ее молодые сторонники: она уходит корнями в историю холодной войны. Еще в 1999 году нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман в одной из своих книжных рецензий рекомендовал не торжествовать раньше времени. По иронии судьбы, автором книги, о которой шла речь, был Том Фридман, его будущий коллега по газете “Нью-Йорк таймс”. По мнению Кругмана, слишком много западных наблюдателей во главе с Фридманом стали жертвами иллюзии, будто благодаря развитию информационных технологий “старомодная политика силы постепенно выходит из употребления, так как противоречит императивам глобального капитализма”. Это неминуемо приводило их к в высшей степени оптимистическому выводу о том, что “мы движемся к миру в основном демократическому (людей нельзя одурачить, коль скоро у них есть доступ в интернет) и в основном бесконфликтному (если вы станете размахивать саблями, Джордж Сорос заберет свои деньги)”. Ну и что, кроме триумфа демократии, ждет такой мир?

Следовательно, “доктрина ‘Гугла’” меньше обязана успеху микроблогов и социальных сетей, чем головокружению от успехов, которое многие на Западе испытали в 1989 году, когда в одночасье рухнула советская система. Предполагалось, что история подошла к концу, и демократию провозгласили единственно возможным ее исходом. Абсолютным победителем сочли современные технологии, обладающие уникальной способностью разжигать потребительский пыл (в нем самом виделась угроза любому авторитарному режиму)

и поднимать массы против правителей. Вот почему одна из глав книги Фрэнсиса Фукуямы “Конец истории и последний человек” (этого канонического текста первой половины 90-х годов, успешно связавшего позитивную психологию с международными отношениями) называется “Победа видеоманитона”.

Неоднозначность итогов холодной войны сделала их гораздо убедительнее, чем они есть. В то время как многие ученые считают, что суровая логика советского социализма с его пятилетними планами и дефицитом попросту изжила себя, популярная трактовка преуменьшает значение структурных недостатков советской системы (кому же хочется, чтобы “империя зла” вдруг оказалась дурной шуткой!). Ее сторонники делают акцент на победе вскормленного Западом диссидентского движения в борьбе против безжалостного тоталитарного врага. В общем, если бы не самиздат, а также фотокопировальные и факсимильные аппараты, контрабандой ввезенные в страны Восточного блока, Берлинская стена стояла бы и поныне. Перед “видеодвижением” в СССР коммунизм оказался беззащитен.

Следующие два десятилетия не складываются в единую картину. На смену пленочным видеоманитонам пришли проигрыватели дисков, однако столь впечатляющие технические прорывы не принесли столь же впечатляющих побед демократии. Несколько авторитарных режимов (например, в Словакии и Сербии) пали. Остальные – например, в Беларуси и Казахстане – усилились. Кроме того, трагедия 11 сентября наводит на мысль, что история возвращается с затянувшихся каникул и что идея столкновения цивилизаций (еще один широко известный редукционистский тезис начала 90-х годов) начинает доминировать в интеллектуальной повестке XXI века. В итоге многие популярные прежде аргументы об освободительной силе консюмеризма и новых технологий ушли из общественной дискуссии. То, что члены “Аль-Каиды” оказались не менее уверенными пользователями интернета, чем их западные противники, мало соответствовало видению технологии как верного союзника демократии. Крах “доткомов” в 2000 году также несколько рассеял эйфорию по поводу революционной природы новых технологий: под напором интернета пали фондовые рынки, а не авторитарные режимы.

Однако иранские события 2009 года показали, что Запад не отказался от “доктрины ‘Гугла’”. Одного только вида продемократически настроенных иранцев вкупе с “Твиттером” (который до тех пор многие на Западе считали всего лишь экстравагантным способом делиться соображениями о том, где и с кем позавтракать) оказалось достаточно для реабилитации принципов “доктрины ‘Гугла’” и даже их обновления с помощью более модного словаря “веб два-ноль”. Вновь обрела популярность полузабытая теория, согласно которой люди, вооруженные мощной технологией, одолеют самого грозного врага, какими бы ни были цены на нефть и газ.

Если бы иранские протесты увенчались успехом, эту главу вряд ли назвали бы иначе, чем “Победа ‘Твиттера’!”. И в самом деле: в июне 2009 года, пусть ненадолго, показалось, что история повторяется, избавляя Запад от очередного архиврага, причем с опасными ядерными амбициями. Улицы Тегерана летом 2009 года выглядели очень похожими на улицы Лейпцига, Варшавы и Праги осенью 1989 года. Тогда, в 1989 году, мало кто на Западе мог представить, что бесчеловечная советская система, казавшаяся неуязвимой, может так просто отойти в мир иной. Иран вроде бы давал западным аналитикам долгожданный шанс отыгаться за свою недалекость в 1989 году и приветствовать гегелевский абсолютный дух еще до того, как он вполне проявит себя.

Какими бы значительными ни были политические и культурные различия между толпами на улицах Тегерана в 2009 году и восточноевропейских столиц – в 1989 году, эти события имеют по меньшей мере одну общую черту. Черта эта – опора на технологию. У жителей Восточной Европы в 1989 году не было ни “блэкберри”, ни айфонов, зато им помогали в борьбе другие, в основном аналоговые, технологии: ксероксы и факсимильные аппараты;

радиоприемники, настроенные на “Свободную Европу” и “Голос Америки”; видеокамеры западных съемочных групп. И если в 1989 году не многие сторонние наблюдатели могли быстро получить доступ к популярным антиправительственным листовкам или просмотреть тайно сделанные снимки полицейских бесчинств, в 2009 году за манифестациями в Иране можно было наблюдать почти так же, как за матчами Суперкубка или церемонией “Грэмми”, – просто обновляя страницу “Твиттера”. Таким образом, искушенные зрители и в особенности те из них, кто мог сравнить увиденное в 1989-м и в 2009-м, понимали, пусть даже интуитивно, что первые вести с улиц Тегерана подтверждают правильность “доктрины ‘Гугл’”. А это означало, что иранский режим вот-вот падет. Только ленивый не пророчил успех иранской твиттер-революции тогда, когда буквально все кричало о неминуемом крахе режима Ахмадинежада.

Невообразимые последствия воображаемой революции

Должно быть, тот же ход мыслей, временами заставляющий вспомнить о высокомерии, привел к грубейшей политической ошибке американских дипломатов в разгар иранских акций протеста. Под влиянием комментариев в СМИ и потока твитов о происходящем в Иране или же по собственным профессиональным соображениям высокопоставленный сотрудник Госдепа США отправил руководителям “Твиттера” электронное письмо, в котором поинтересовался, не смогут ли они перенести на другой день запланированные (и оказавшиеся предельно несвоевременными) работы по техобслуживанию сайта, чтобы не повредить иранским манифестантам. Сотрудники “Твиттера” выполнили просьбу, причем во всеуслышание объявили, что пришли к этому решению самостоятельно.

Историческое значение этого не самого заметного события не ускользнуло от газеты “Нью-Йорк таймс”, которая сочла его “очередной вехой” в отношениях администрации Обамы с новыми медиа и засвидетельствовала “признание правительством Соединенных Штатов того, что блог-платформа, появившаяся всего четыре года назад, способна изменить ход истории в древней исламской стране”. “Нью-Йорк таймс”, возможно, преувеличила осмотрительность правительства Обамы (представитель Белого дома немедленно попытался преуменьшить значение “вехи”, заявив, что это была “не директива госсекретаря, а скорее контакт на низовом уровне того, кто часто общается с персоналом ‘Твиттера’”), но Седая леди² точно указала на важность момента.

Вопреки пророчеству Марка Амбиндера, когда будущие историки станут оценивать горячие июньские дни 2009 года, они сочтут эту электронную переписку (Госдеп решил предать ее огласке, чтобы улучшить свою репутацию у новых медиа) вещью гораздо более важной, чем все, что сделало в интернете “Зеленое движение”. Вопреки не слишком радужным ближайшим перспективам иранской демократии, мир еще долго будет ощущать влияние этого символического случая.

Связи заклятых врагов из правительства США с компанией из Кремниевой долины (услуги которой, согласно западным СМИ, пользовались большим успехом у иранцев) быстро вызвали у Тегерана подозрения, что интернет – это инструмент западного влияния, а его цель – свержение иранского режима. Иранские власти вдруг перестали видеть в интернете локомотив экономического прогресса или способ донести миру слова Пророка. Всемирная паутина предстала орудием, которым, конечно же, воспользуются враги Ирана. Неудивительно, что, как только уличные протесты прекратились, иранские власти взяли “зачищать” киберпространство.

В течение всего нескольких месяцев правительство сформировало руководящее подразделение по борьбе с киберпреступностью, состоящее из двенадцати человек, и поручило ему проверить иранские сайты на предмет “оскорблений и лжи”. “Клеветников” арестовывали. Полиция стала прочесывать интернет в поисках фотографий и видеозаписей (их благодаря вездесущим социальным медиа оказалось очень много), на которых можно было разглядеть лица манифестантов, чтобы опубликовать их на иранских сайтах и обратиться к общественности с просьбой помочь в установлении личности этих людей. В декабре 2009 года официальный сайт “Раджа ньюс” (www.rajanews.com) опубликовал 35 фотографий с отмеченными на них 65 лицами и еще 47 примерно с сотней лиц, помеченных красными кружками. По данным полиции, это помогло найти и арестовать по меньшей мере 40 чело-

² Прозвище газеты “Нью-Йорк таймс”. – Прим. перев.

век. Кроме того, сторонники Ахмадинежада, вероятно, сняли несколько собственных роликов, в одном из которых группа протестующих сжигала портрет Хомейни. Многие оппозиционеры полагали, что запись подделана, но задача была как раз в том, чтобы убедить людей в подлинности съемки: это могло вызвать раскол в иранской оппозиции и оттолкнуть от нее широкие слои населения.

Полицейские и люди, действующие по их поручению, начали искать личную информацию (в основном в профилях “Фейсбука”) и адреса электронной почты иранцев, живущих за границей, и отправлять им письма с угрозами и требованиями воздержаться от поддержки “Зеленого движения”, если они не хотят навредить родственникам, оставшимся в Иране. В то же время власти не давали спуска и тем, кто никуда не уезжал, рекомендуя им держаться подальше от социальных сетей, которыми пользовались оппозиционеры. Глава иранской полиции генерал Эсмаил Ахмади Могаддам объявил, что те, кто подстрекал людей к участию в акциях протеста или публиковал такие призывы, “совершили более тяжкое преступление, чем те, кто вышел на улицы”. Пограничники в тегеранском аэропорте интересовались у прилетевших из-за границы иранцев, есть ли у них аккаунт в “Фейсбуке”. Вне зависимости от ответа, их сетевую активность проверяли и брали на заметку подозрительных френдов этих людей.

Власти, однако, вовсе не избегали современных технологий, а с удовольствием ими пользовались. Например, чтобы отговорить иранцев от участия в уличных протестах, они прибегли к рассылке текстовых сообщений. Одно из таких посланий, отправленное от имени разведывательного ведомства, было совсем не дружелюбным:

Уважаемый гражданин! Мы располагаем данными, что вы подверглись воздействию дестабилизирующей пропаганды, распространяемой СМИ, связанными с иностранными правительствами. В случае совершения вами противоправных действий и обращения к иностранным СМИ вы будете нести ответственность в соответствии с Законом об исламских уголовных наказаниях³ и предстанете перед судом.

С точки зрения иранского правительства, западные медиа были ответственны не только за пропаганду. Власти Ирана обвинили журналистов Си-эн-эн в “подготовке хакеров” после того, как телеканал рассказал о кибератаках оппонентов Ахмадинежада на лояльные ему веб-сайты. Один аятолла, осознавший, что враг побеждает в виртуальном мире, призвал верующих иранцев использовать в сетевой схватке все возможные средства, даже не одобряемые шариатом. “На войне шаги, противоречащие шариату, позволительны. Это касается и кибервойны. Условия таковы, что вы должны сражаться с врагом любым доступным вам способом. Не нужно никого жалеть. Если вы не поразите врага, он поразит вас”, – напутствовал прихожан в 2010 году аятолла Алам Ахди во время пятничной молитвы.

Но претензии к Си-эн-эн оказались малозначительными в сравнении с филиппиками в адрес “Твиттера”: его иранские медиа, поддерживавшие Ахмадинежада, сочли настоящим зачинщиком беспорядков. Передовица в иранской газете “Джаван” обвинила Госдеп в попытке разжечь революцию через интернет, помогая “Твиттеру” оставаться в Сети и возложив на него “оперативное содействие бунтам”. Учитывая прежнее вмешательство Америки в иранские дела (многие иранцы хорошо помнят переворот 1953 года, спланированный ЦРУ), эти обвинения прозвучали убедительно, и все без исключения пользователи “Твиттера” угодили в американский тайный революционный авангард. В отличие от бурных событий 1953 года, у твиттер-революции, кажется, нет своего Кермита Рузвельта (внук Теодора Рузвельта, он был координатором операции ЦРУ “Аякс”, которая привела к свержению националисти-

³ Уголовный кодекс Исламской Республики Иран. – Прим. перев.

ческого правительства Мохаммеда Мосаддыка). Однако в глазах иранских властей то, что у нынешнего цифрового авангарда нет признанных харизматичных вождей, делает его еще опаснее. Иранские чиновники, ответственные за пропаганду, не смогли скрыть своего ликования, когда узнали, что Кермит Рузвельт – это близкий родственник Джона Палфри, научного руководителя Беркмановского центра по изучению интернета и общества в Гарварде (аналитического центра, учрежденного Госдепом для изучения иранской блогосферы).

Остальные правительства внимательно следили за происходящим, вероятно, из опасения самим вскоре столкнуться с твиттер-революцией. Китайские власти сочли участие Вашингтона в иранских событиях тревожным сигналом того, что цифровые революции, которым содействуют американские ИТ-компании, происходят не спонтанно, а являются продуктом тщательного планирования. “Чем были вызваны беспорядки в Иране после выборов? – вопрошает передовица в “Жэньминь жибао”, главном рупоре Коммунистической партии Китая. – Они были вызваны сетевой войной, начатой Америкой посредством видеороликов ‘Ю-Тьюба’ и микроблогов ‘Твиттера’, распространением слухов, провокациями, разжиганием вражды между сторонниками различных консервативных реформистских группировок”. Другой гигант государственной пропаганды, информационное агентство “Синьхуа”, заняло более взвешенную позицию, отметив, что “информационные технологии, которые принесли человечеству всевозможные выгоды, в этот раз стали инструментом вмешательства во внутренние дела иностранных государств”.

Спустя несколько месяцев после волнений в Иране официальный орган Народно-освободительной армии Китая “Цзефанцзюнь бао” вышел с передовицей, в которой молодежные выступления в Молдове в апреле 2010 года сопоставлялись с иранскими беспорядками, причем и то и другое было названо блестящим примером иностранного вмешательства при поддержке интернета. Автор статьи, указав на США как на страну, “проявляющую наибольший среди западных держав интерес к включению интернета в свой дипломатический арсенал”, связал два упомянутых выше случая с этническими волнениями в самом Китае в июле 2009 года – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Он пришел к выводу, что для того, “чтобы интернет не стал новой отравленной стрелой врага”, нужен более жесткий контроль над Сетью. Таким образом, вашингтонские умствования по поводу Ирана дали Пекину повод для ужесточения цензуры. Онлайн-блокада СУАР была снята только в начале 2010 года.

Средства массовой информации стран бывшего СССР также не оставили происходящее без внимания. “Беспорядки в Иране шли по молдавскому сценарию: США пропалились”, – гласил заголовок на одном из российских националистических интернет-порталов. В новостях телеканала НТВ упоминалось: “Информационную поддержку манифестантам оказал Госдепартамент США. Он вмешался в работу модного интернет-ресурса ‘Твиттер’”. Эта социальная сеть для обмена короткими сообщениями стала для иранских студентов одним из главных средств коммуникации. Американские чиновники попросили администрацию портала отменить профилактические работы, чтобы обеспечить круглосуточный доступ к серверам”. А одна из молдавских газет сообщила, что американское правительство даже позаботилось о том, чтобы укомплектовать “Твиттер” передовой антицензурной технологией.

Вот вам глобализация в худшем виде: электронное письмо вашингтонского дипломата (предположившего, что “Твиттер” может повлиять на события в Иране), адресованное американской компании в Сан-Франциско, вызвало панику в мировом интернете и политизировало всю онлайн-деятельность, придав ей яркую революционную окраску. Это создало угрозу независимости тех сетевых площадок, которые прежде никем не регулировались. Вместо того чтобы попытаться установить с иранскими блогерами долгосрочные отношения и с их помощью плавно подталкивать Иран к социальным, культурным и, возможно, в отда-

ленном будущем и политическим переменам, американская дипломатия сыграла в открытую, фактически объявив блогеров более опасными, чем Ленин и Че Гевара. В итоге многие из этих “записных революционеров” попали за решетку. Над еще большим числом людей был установлен тайный надзор. А те бедняги, которым в период выборов случилось пройти курсы пользования интернетом, финансируемые Госдепом США, теперь не могут вернуться домой и вынуждены просить политического убежища (в Европе известно минимум о пяти таких случаях). Политологи были правы: иранская твиттер-революция имела глобальные последствия. В итоге она не подрвала авторитаризм, а, скорее, укрепила его.

Революции требуются рыцари

Разумеется, американские дипломаты не могли предугадать, какие последствия будут иметь акции протеста в Иране, и было бы нечестно винить их в том, что “Зеленое движение” оказалось неспособно сместить президента Махмуда Ахмадинежада. Разве можно было не вмешаться, когда выяснилось, что судьба иранской демократии зависит от стартапа из Кремниевой долины, которому нет дела до геополитики? И зная, что поставлено на карту, стоит ли острить насчет гневных передовиц в молдавских газетах, которые были бы напечатаны, даже если бы Госдепартамент ни во что не вмешивался?

Все это верно, если посчитать доказанным, что ситуация была и впрямь столь драматичной. Но если доказательства хромают, то американские дипломаты заслуживают большего, чем хорошая взбучка. Не может быть оправдания вмешательству в дела частных компаний и зарубежных государств, если в действительности западные политики просто стояли в сторонке, грезили о демократии и выбалтывали свои фантазии в микрофон. В большинстве случаев подобное вмешательство не только не помогает, а, напротив, создает новые проблемы. Люди, которые по наивности считают американское правительство надежным партнером, подвергаются дополнительному риску. Американские умники отправляются на ток-шоу, а иранские блогеры – под суд. Бесцеремонное обращение Госдепартамента к руководству “Твиттера” было бы оправдано, только если бы этот сервис действительно играл важную роль в организации манифестаций и в случае его отключения на несколько часов делу иранской демократии был нанесен тяжелый удар.

Но ничего подобного не было. Иранское правительство гоняется за цифровыми призраками (порожденными, среди прочего, несдержанностью западных СМИ и высокомерием политиков). Однако две вещи по-прежнему остаются непонятными. Во-первых, сколько жителей Ирана (а не иранских эмигрантов) на самом деле писали о манифестациях в “Твиттере”? Во-вторых, действительно ли “Твиттер”, на что намекали многие политологи, сыграл ключевую роль в организации протестов – либо же его роль сводилась к распространению новостей и привлечению всеобщего внимания к происходящему?

Ответ на первый вопрос в лучшем случае неочевиден. В течение двух недель после выборов в “Твиттере” действительно появилось много записей, касающихся событий в Иране. Однако невозможно сказать, сколько из них были сделаны людьми, находящимися в Иране, а сколько – членами трехмиллионной иранской диаспоры, сторонниками “Зеленого движения” со всего мира и провокаторами, лояльными иранскому режиму. Исследование, проведенное компанией “Сисомос” (*Sysomos*), изучающей социальные медиа, выявило всего 19235 аккаунтов в “Твиттере” (0,027 % населения страны), зарегистрированных в Иране накануне выборов 2009 года. Так как многие сторонники “Зеленого движения”, чтобы запутать иранские власти, указывали в “Твиттере” Тегеран в качестве своего местоположения, почти невозможно было определить, находились ли авторы твитов в Тегеране или, например, в Лос-Анджелесе. Одним из наиболее активных пользователей “Твиттера”, распространяющих новости об акциях протеста, была *oxfordgirl*, иранская журналистка, живущая в английском Оксфордшире. Она блестяще сделала свою работу – но только в качестве информационного узла.

Директор канала “Аль-Джазира” Мойед Ахмад заявил в начале 2010 года, что его коллеги в период протестов нашли в “Твиттере” всего шестьдесят действующих тегеранских аккаунтов (это число уменьшилось до шести, когда иранские власти обрушились на сетевые коммуникации). Это не умаляет значения иранских новостей в “Твиттере” в первую неделю протестов. Центр “Пью рисерч” установил, что 98 % самых популярных гиперссылок, размещенных в “Твиттере” во время беспорядков в Иране, были связаны с этими событиями.

Другое дело, что в большинстве случаев записи в “Твиттере” были сделаны (или продублированы) людьми, находившимися не в Иране.

Что касается второго вопроса, то весьма сомнительно, что “Твиттер” использовался именно для организации акций протеста. Многие из тех, кто говорит на фарси и давно знаком с иранской блогосферой, уверены в том, что “Твиттер” лишь освещал происходившие события. Иранский блогер и активист, широко известный как *Vahid Online*, находился в Тегеране во время беспорядков. Он сомневается в обоснованности тезиса о твиттер-революции уже потому, что не многие иранцы пользовались “Твиттером”. “‘Твиттер’ никогда не был особенно популярен в Иране. [Но,] поскольку мир в те дни наблюдал за Ираном [с таким интересом], многие ошибочно решили, что и иранцы узнавали новости из “‘Твиттера’”, – заявил блогер.

В “Твиттере” появлялись сообщения о времени и месте акций протеста, однако неясно, делалось ли это систематически и помогало ли рекрутировать новых манифестантов. То, что “Зеленое движение” руководствовалось стратегическими соображениями, выбирая “Твиттер” (или любую другую интернет-технологию) как главное средство коммуникации, похоже на миф. Напротив, иранская оппозиция не выглядит организованной, и это объясняет, почему она потерпела неудачу. “С самого начала ‘Зеленое движение’ не было организованным, оно не действовало [организованно] – не то чтобы кто-то один принимал решение и сообщал о нем остальным. На улицах, на работе, куда бы ты ни шел – люди везде об этом говорили, и все хотели действовать”, – вспоминает Алиреза Резаи, еще один видный иранский блогер.

Запад, конечно, не галлюцинировал: в “Твиттере” действительно появлялись все новые записи, а тегеранские улицы полнились людьми. Но это не обязательно означает, что между этими событиями существовала причинно-следственная связь. Ведь если в лесу упало дерево, а свидетели описали это происшествие в “Твиттере”, это не значит, что причиной падения дерева явились записи в блогах. Кроме того, время и место проведения акций протеста не были секретом. Не было нужды заходить в интернет, чтобы узнать о том, что в центре Тегерана масштабная уличная демонстрация: об этом можно было легко догадаться по гудкам автомобилей, застрявших в пробке.

На фоне эйфории, охватившей западные СМИ во время волнений в Иране, голоса скептиков, не разделявших мнение о ведущей роли интернета в организации протеста, звучали гораздо тише тех, что трубили о твиттер-революции. Так, Аннабель Среберни, профессор глобальных СМИ и коммуникаций Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, эксперт по иранским медиа, быстро распознала подмену, однако ее голос потонул в хоре славословий “Твиттеру”. “Значение ‘Твиттера’ было сильно переоценено... Я не стану спорить с тем, что социальные медиа действительно мобилизовали иранцев”, – заявила она в интервью “Гардиан”. Хамид Терани, иранский редактор блогерской сети “Глобал войсес” (*Global Voices*), настроен столь же скептически. Он полагает, что успех выражения “твиттер-революция” больше говорит о фантазиях Запада на тему новых медиа, чем об иранской действительности. “Запад сосредоточен не на иранцах, а на роли западных технологий, – заявил Терани. – Да, ‘Твиттер’ был важен для предания огласки происходящему, однако его роль была преувеличена”.

Многие представители иранской диаспоры также сочли, что “Твиттеру” досталось гораздо больше внимания, чем он заслуживал. Спустя пять дней после начала акций протеста Мехди Яхьянежад, управляющий “Балатарин” (*Balatarin*), лос-анджелесского новостного сайта на фарси, подобного *Digg.com*, заявил газете “Вашингтон пост”, что “влияние ‘Твиттера’ в Иране равно нулю... Здесь, [в США], много шума, но... его в основном производят сами американцы, обменивающиеся твитами друг с другом”.

То, что интернет может оказывать и негативное влияние на протестное движение, выпало из поля зрения большинства обозревателей СМИ. Исключением стала Гольназ Эсфандиари, иранский корреспондент “Радио Свобода”, которая спустя год после выборов в Иране на страницах журнала “Форин полиси” осудила “пагубную причастность ‘Твиттера’ к распространению слухов”. Эсфандиари отметила, что “в первые дни после выборов в ‘Твиттере’ распространился слух, будто полицейские вертолеты поливали манифестантов кислотой и кипятком. Сейчас, год спустя, эта история остается не более чем слухом”.

Эсфандиари напомнила также, что циркулировавшая в “Твиттере” история иранской активистки Саидэ Пурагхаи оказалась выдумкой. Пурагхаи арестовали за то, что она выкрикивала лозунг протестующих – “Господь велик” – с крыши своего дома, а затем якобы изнасиловали, изуродовали и убили. Пурагхаи стала символом “Зеленого движения”. Позднее она появилась в передаче иранского гостелевидения и объяснила, что прыгнула с балкона ночью, когда ее арестовали, и потом несколько месяцев не показывалась на людях. Некоторое время спустя реформистский сайт объявил, что слух об убийстве Саидэ Пурагхаи был пущен иранским правительством, чтобы дискредитировать другие свидетельства об изнасилованиях. Неясно, какая из сторон выиграла от этой мистификации и ее разоблачения, но именно такие истории должны были бы стать предметом расследования западных журналистов.

К сожалению, большинство журналистов, ожидающих падения режима Ахмадинежада под градом твитов, трубили о торжестве твиттер-революции. Пока политологи дрались за эфир, а блогеры – за подписчиков, никто особенно не пытался поставить под сомнение преувеличенную роль интернета. В результате возник миф о твиттер-революции в Иране – один из множества мифов о способности интернета свергать диктаторов. Это объясняет, почему менее чем через год после иранских акций протеста журналист из “Ньюсуик” осмелился объявить, что “восстания в Украине, Кыргызстане, Ливане, Бирме, Синьцзянском автономном округе, Иране никогда не произошли бы, если бы не было интернета”. Напомню, что “Ньюсуик” предупреждал о приближении иранской революции, вдохновленной интернетом, начиная аж с 1995 года. Тогда в журнале появилась статья “Чат и чадра”, в которой говорилось, что “если компьютерные гики правы, Ирану предстоит крупнейшая революция со времен аятоллы Хомейни”.

Если журналисты не занимаются анализом, а при необходимости и развенчанием мифов, то последние могут оказать разрушительное воздействие на политику. Пока в “Твиттере” видят двигатель иранских протестов, технологиям, которые позволяют иранцам пользоваться им в обход цензуры, также будут придавать исключительную важность. Даже “Вашингтон пост” обосновывает увеличение расходов на такие технологии (автор одной из передовиц в июле 2010 года предположил, что “инвестиции в антицензурную технику наподобие той, которая способствовала тегеранской твиттер-революции июня 2009 года, могут иметь громадный эффект, который можно измерить”), но это гораздо более слабый аргумент, чем кажется вначале. Утверждение, что влияние интернет-технологий “можно измерить”, также заслуживает пристального внимания. Стоит задуматься и над словами Алека Росса, старшего советника Хиллари Клинтон по новым технологиям. Он заявил, что “социальные медиа сыграли главную роль в организации [иранских] протестов” (очень похоже на то, что в июне 2009 года озвучил Эндрю Салливан). Хотя Росс выступил через год после Салливана, он тоже не привел доказательств.

А в июле 2010 года Росс проговорился, что “есть очень мало информации, подтверждающей, что ‘Фейсбук’, ‘Твиттер’ или эс-эм-эс вызвали массовые беспорядки или могут спровоцировать восстание”.

Оружие массового сооружения?

Судя по экзальтации, которую вызвали иранские манифестации, западные политики блуждают в тумане киберутопизма – одного из главных элементов “доктрины ‘Гугл’”. Киберутопизм – это квазирелигиозная вера в сверхъестественные возможности интернета, начиная с ликвидации безграмотности в Африке и заканчивая приведением в порядок всей информации, накопленной человечеством. Откупорка “закрытых” обществ и накачивание их демократическим содержанием до тех пор, пока с них не сойдет авторитарная оболочка, – одна из больших надежд, возлагаемых на современный интернет. Неудивительно, что автор колонки, напечатанной в 2010 году в газете “Гардиан”, предложил даже “ударить по Ирану широкополосной сетью”. Интернет казался чем-то, что сильнее бомб. Киберутопизм в те дни, казалось, проник всюду: майки с призывом к политикам “сыпьте твитами, а не пулями” (*drop tweets, not bombs*; отличный лозунг для современного антивоенного движения!) уже продаются в интернет-магазинах. А в 2009 году улицу в одном из лагерей палестинских беженцев даже назвали в честь аккаунта в “Твиттере”.

Твитами, разумеется, правительства не свергают – это делают народы (иногда также ЦРУ и американские морпехи). Джон Стюарт в своем “Дейли шоу” удивлялся мистической способности интернета добиваться того, на что лучшие солдаты планеты тратят столько сил в Ираке и Афганистане: “Зачем было отправлять туда войска, если можно было освободить эти страны тем же способом, каким мы покупаем ботинки?” И в самом деле, зачем? Дэниел Киммедж, старший аналитик “Радио Свобода”, шутки не понял. По его мнению, “неограниченный доступ к свободному интернету – это... практичный способ противодействия ‘Аль-Каиде’... По мере того, как пользователи все громче заявляют о себе, нарастающий хаос... может снести сетевые бастионы тоталитарной идеологии ‘Аль-Каиды’”. Блоггер Джейн-Джихад⁴ и ряд других темных личностей, которые пришли к терроризму через интернет, вероятно, огорчились бы, узнав, что провели в Сети недостаточно времени.

К концу 2009 года киберутопизм достиг новых высот: Нобелевский комитет не возразил, когда итальянская редакция “Уайерд” выдвинула интернет на соискание в 2010 году Нобелевской премии мира. Это стало результатом общественной кампании, поддержанной несколькими знаменитостями, в том числе Джорджо Армани и нобелевским лауреатом 2003 года Ширин Эбади. Заметна интересная параллель с холодной войной: в 1991 году будущий президент Эстонии Леннарт Мери номинировал “Радио Свобода” на Нобелевскую премию мира за роль, которую эта станция сыграла в развале СССР. Почему интернет заслуживал премии больше китайского правозащитника Лю Сяобо, который в итоге ее и получил? Объяснения редакторов национальных версий журнала “Уайерд”, официального печатного органа “церкви киберутопизма”, характерны для того дискурса, который ввел американских дипломатов в заблуждение относительно событий в Иране.

Рикардо Луна, редактор итальянского “Уайерд”, предположил, что интернет – это “первое оружие ‘массового сооружения’, которым мы можем устранить ненависть и раздор и распространить мир и демократию”. Крис Андерсон, глава американской редакции, высказал мнение, что хотя “аккаунт в ‘Твиттере’ не сравнится с АК-47... в долгосрочной перспективе компьютерная клавиатура окажется сильнее меча”. Дэвид Роуэн, редактор “Уайерд” в Великобритании, заявил, что интернет “дал нам шанс вернуть власть, захваченную пра-

⁴ Настоящее имя – Колин Лароуз. Американка, принявшая ислам, в январе 2014 года была приговорена к 10 годам тюрьмы за подготовку убийства шведского карикатуриста Ларса Вилкса, который изобразил пророка Мухаммеда с телом собаки. – *Прим. перев.*

вительствами и транснациональными корпорациями. Он сделал мир совершенно прозрачным”. Почему же этот совершенно прозрачный мир заодно не стал чуть более свободным?

Впрочем, в интернете, которым пользуются редакторы “Уайерд”, ничего плохого никогда не происходит. Даже спам можно считать высшим проявлением современной поэзии. Но нежелание замечать темную сторону интернета равносильно тому, чтобы после посещения Беркли в Калифорнии, штаб-квартиры киберутопистов, заключить, будто вся остальная Америка точно такая же: разноликая, толерантная, залитая солнцем, с обилием здоровой пищи и отличного вина, защищенная армией политических активистов, всю жизнь сражающихся за еще более светлое будущее. Однако остальная Америка живет иначе. И весь остальной мир – тоже.

Поясню: граница между наивностью и киберутопизмом размыта. Причина, по которой столько политиков и журналистов уверовали в могущество интернета, кроется в том, что они не слишком об этом задумывались. Их вера вовсе не базируется на скрупулезном изучении того, как именно диктаторы используют интернет или как он меняет культуру сопротивления и инакомыслия. Напротив, чаще всего она объясняется некритичным восприятием популярного мнения: раз правительства авторитарных государств цензурируют интернет, значит, они его боятся и, стало быть, само существование живой интернет-культуры делает падение диктатуры вероятнее.

NASDAQ спасет мир?

Убежденность в демократизирующей силе Сети вредит способности общества оценивать текущую и будущую политику. Сторонники этой точки зрения склонны преувеличивать положительный вклад корпораций в распространение демократии и игнорируют необходимость критического подхода к их деятельности. Стремление киберутопистов видеть исключительно светлую сторону вещей вполне проявило себя в начале 2010 года. Тогда компания “Гугл” объявила, что покидает Китай, поскольку по горло сыта растущими цензурными требованиями правительства и посягательствами на свою интеллектуальную собственность. Хорошо продуманное деловое решение было преподнесено как поддержка прав человека. Большинство восторженных комментаторов не заметило, что “Гугл” совершенно спокойно вел дела в Китае в течение более чем четырех лет, предшествующих скандалу.

Выдающийся американский журналист Джейкоб Вайсберг на страницах журнала “Ньюсуик” назвал решение “Гугл” “героическим”. Сенатор Джон Керри заявил, что “Гугл” серьезно рискует, отстаивая принципы”. Интернет-гуру Клэй Шерки объявил, что “компания [‘Гугл’] экспортирует не товары или услуги, а свободу”. Автор передовицы в “Нью репблик” счел, что “Гугл” (“организация, наполненная американскими учеными”) прислушался к совету Андрея Сахарова, призывавшего своих коллег-ученых “сохранить тот запас мужества и честности, который дает возможность противостоять соблазнам и привычке к конформизму”. Автора не смутило то, что Сахаров не занимался продажей рекламных сниппетов, а также не был на короткой ноге с Агентством по национальной безопасности США.

Даже знаменитый журналист Боб Вудворд поддался гипнозу киберутопистов. Выступая в мае 2010 года в одном из популярнейших американских воскресных телешоу “Встреча с прессой” (*Meet the Press*), он предложил привлечь инженеров компании “Гугл” (“кого-либо из этих светлых умов”) к устранению последствий разлива нефти в Мексиканском заливе. А если “Гугл” сможет заткнуть течь, разве он не справится и с иранской проблемой? Складывается впечатление, что еще одна-две колонки – и Том Фридман признает “Гугл” с его чудесными сканерами и базами данных приемлемой заменой Министерству внутренней безопасности.

Восхищенные взгляды притягивает, конечно, не только “Гугл”. Заголовок в “Вашингтон пост” гласил: “‘Твиттер’ разоблачает пытки в Египте”. Передовица в “Файнэншл таймс” объявила социальные сети вроде “Фейсбука” “вызовом, брошенным недемократическим странам”, и предположила, что очередная великая революция “может начаться с записи в ‘Фейсбуке’”. (О том, бросает ли “Фейсбук” вызов в том числе и демократическому обществу, автор передовицы умалчал.) Джаред Козн, двадцатисемилетний член отдела политического планирования Госдепа, который отправил то самое письмо руководству “Твиттера”, провозгласил “Фейсбук” “одним из наиболее естественных инструментов распространения демократии”.

Здесь есть одна сложность. Приписывание интернет-компаниям положительной роли в борьбе с авторитаризмом ставит все эти компании на одну доску и не учитывает разность их вклада в дело защиты прав человека, не говоря уже о содействии распространению демократии. Тот же “Твиттер”, который во время иранских событий получил широкое признание, отказался присоединиться к “Глобальной сетевой инициативе” (внутриотраслевое соглашение ИТ-компаний, в том числе “Гугл”, *Yahoo* и “Майкрософт”) и действовать в соответствии с законами и требованиями о защите свободы выражения и права на неприкосновенность личной жизни, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека. Отказался присоединиться к ГСИ и “Фейсбук” – еще один прославленный экспортер “цифровой револю-

ции”. Компания сослалась на... нехватку денег. Поистине нелепая отговорка для организации, доход которой в 2009 году составил около 800 миллионов долларов!

Несмотря на то, что решение “Твиттера” и “Фейсбука” вызвало гнев некоторых американских сенаторов, оно ничуть не повредило репутации этих компаний. Волноваться и впрямь не о чем: их боссов приглашают на приватные обеды к госсекретарю США и возят на экскурсии в экзотические страны вроде Ирака, Мексики и России, чтобы улучшить имидж Америки за рубежом.

Эти визиты демонстрируют нечто большее, чем техническую грамотность американской дипломатии. Оказывается, американской ИТ-компаниям, желающей подружиться с американским правительством, совсем не обязательно строго следовать моральным принципам – по крайней мере, если этой компании отводится важная роль в вашингтонской внешнеполитической повестке. После восьми лет пребывания у власти Джорджа У. Буша, отмеченных доминированием в высшей степени закрытых государственно-частных партнерств, наподобие Группы по разработке энергетической политики под председательством Дика Чейни, подобное поведение едва ли представляет собой положительный пример народной дипломатии.

К компании “Гугл”, несмотря на ее присоединение к ГСИ, также есть претензии, в числе которых и растущее пренебрежение конфиденциальностью (что едва ли радует диссидентов по всему миру), и бравирование связями с американским правительством. Широко известное сотрудничество “Гугла” с Агентством по национальной безопасности в связи с кибератаками на ее серверы в начале 2010 года вряд ли можно назвать удачным способом убедить иранские власти в аполитичности интернета. Компании “Гугл”, “Твиттер” и “Фейсбук” сделали много такого, что достойно восхищения, однако поскольку они играют все более важную посредническую роль во внешней политике, восторги все же не слишком уместны.

Милкшейк или коктейль Молотова?

Заявление Джареда Коэна о том, что “Фейсбук” – естественный инструмент распространения демократии, может оказаться просто констатацией факта. При прочих равных условиях в мире, в котором множество китайцев и иранцев прибегает к услугам американских ИТ-компаний, в долгосрочной перспективе и в самом деле может победить демократия. С этим трудно не согласиться, особенно если альтернативой этому является замыкание пользователей в национальных секторах интернета: там цензура и регулирование точно жестче.

Вместе с тем следует помнить, что нынешняя ситуация не является результатом некоей искусной, чрезвычайно успешной манипуляции “Фейсбуком” со стороны правительства США. Скорее это следствие текущей интеллектуальной и рыночной обстановки. До сих пор авторитарные правительства не слишком задумывались о том, кому их граждане доверяют свою электронную корреспонденцию и как они делятся друг с другом кулинарными рецептами. Американские компании часто первыми предлагали качественные услуги, и большинство правительств не создавало им преград. Может быть, их задевало превосходство американских компьютерных платформ над местными сетевыми стартапами. Но ведь и индустрия фастфуда в их странах уступала “Макдоналдсу”. И до тех пор, пока никто не путал ванильный трипл-шейк из “Макдоналдса” с коктейлем Молотова, беспокоиться было не о чем.

Однако когда люди, подобные Джареду Коэну, начинают славить “Фейсбук” как естественное средство распространения демократии, ситуация мгновенно меняется. В сущности, единственная причина, по которой лидеры авторитарных государств обращали так мало внимания на интернет, это та, что они не замечали связи интересов американских компаний и американского правительства. Но как только Госдеп попытается эксплуатировать успехи Кремниевой долины на глобальном рынке, беспечность неминуемо сменится подозрительностью. Любые открытые шаги американских дипломатов в этой области будут тщательно изучены, более того, истолкованы исходя преимущественно из теорий заговора, а не из официозных пресс-релизов Госдепа.

В июле 2010 года одна из ведущих государственных исследовательских организаций в Китае, Академия общественных наук, опубликовала подробный доклад о значении интернета для политики. В нем, в частности, утверждается, что социальные сети несут угрозу государственной безопасности, так как США и другие западные страны “пользуются ими для дестабилизации” обстановки. Трудно не увидеть здесь отсылку к словам и делам Джареда Коэна. (В докладе процитированы слова неназванных американских чиновников, заявивших, что социальные сети – это “бесценный инструмент” для свержения недружественных режимов, могущие сослужить добрую службу правительству, как, например, “Твиттер” во время иранских волнений в 2009 году.) Когда американские дипломаты называют “Фейсбук” инструментом распространения демократии, можно смело утверждать, что остальной мир сочтет, что Америка не просто отдает должное огромному потенциалу этого инструмента, но и не преминет в полной мере воспользоваться им.

Американские дипломаты ошибались, полагая интернет пространством, свободным от националистических предрассудков. Киберпространство гораздо менее склонно к политической амнезии, чем они думали. О прежних политических промахах и долгой взаимной вражде между Западом и остальным миром не так-то просто забыть. Даже в цифровую эпоху внешняя политика страны ограничена теми же досадными рамками, что и в “аналоговом” прошлом. Джозеф Най и Роберт Кеохейн, два ведущих специалиста по международным отношениям, отмечали более десяти лет назад, что “информация циркулирует не в вакууме, а в политическом пространстве, которое уже занято”. Может быть, до иранских волнений технологические гиганты Америки действовали по большей части в вакууме и могли игно-

ривать предрассудки, связанные с ярлыком “американское”. Однако эти дни миновали. В будущем неприятие новой реальности только осложнит задачу распространения демократии.

Хипстеры на баррикадах

В случае Ирана западные политики не только неверно оценили интернет, но и дали всем это понять. К большому удивлению западных политиков, иранское правительство приняло жесткие контрмеры, сильно затруднив использование Сети для работы по изменению иранского и других закрытых обществ. Еще три года назад правительства считали блогеров обычными пижонами, не способными организовать политическое движение. Теперь ситуация иная. Блогеров уже не считают просто модниками и бездельниками. Сегодня власти относятся к ним как к активистам новой “Солидарности”. Причем это идеалистическое (и совершенно неверное) убеждение разделяют и в демократических, и в авторитарных государствах.

Самое неприятное – чем чаще западные политики говорят об угрозе, которую несут блогеры авторитарным режимам, тем быстрее эти режимы сужают операциональное пространство блогеров. В некоторых странах политизация может даже пойти на пользу, поскольку блогинг принимает более отчетливую политическую окраску и блогеры приобретают статус журналистов или правозащитников. Однако во многих других случаях это может уничтожить зарождающееся интернет-движение, которое могло бы добиться большего, если бы преследовало скорее социальные, чем политические цели. Нужно ли Западу политизировать блогинг и рассматривать его как естественное продолжение диссидентской деятельности, – безусловно трудный вопрос, который нуждается в широком обсуждении. Но отсутствие дискуссии на эту тему не означает, что блогинг не политизирован, в ряде случаев необратимо, словами и делами западных политиков.

Более того, пагубное увлечение политиков киберутопизмом может помешать им обратить внимание на целый ряд важных вопросов. Как относиться к ИТ-компаниям, которые работают в государствах с авторитарным режимом, изменяя в итоге своим стандартам? Являются ли они предвестниками демократии, каковыми стремятся выглядеть, или это просто цифровые эквиваленты “Халлибертон” и “Юнайтед фрут компани”, то есть бизнесмены, которые цинично пользуются новыми возможностями и попутно укрепляют позиции правительств, позволивших им работать в своих странах? Как Западу увязать свое внезапно возникшее желание насаждать демократию посредством интернета с прежней, “офлайновой” тактикой достижения той же цели – возвращением независимых политических партий и организаций гражданского общества? Как, не подвергая риску цифровых активистов, вооружить их? Если интернет – это та самая революционная сила, которая способна подтолкнуть авторитарные режимы к демократизации, то должен ли Запад закрыть глаза на многие другие аспекты функционирования интернета (киберпреступность, распространение детской порнографии, кибервойны, интеллектуальное пиратство и т. д.) и ковать железо, пока горячо?

Это невероятно трудные вопросы. Хотя интернет способствовал удешевлению почти всего, за такой товар, как человеческая глупость, по-прежнему приходится платить относительно дорого. Мантра, повторяемая адептами движения за открытое программное обеспечение – ошибайся часто, ошибайся рано, – приводит к появлению великолепного софта, однако этот принцип неприменим к ситуациям, когда речь идет о человеческих жизнях. Западные политики, в отличие от политических аналитиков или ученых, не могут позволить себе роскошь делать ошибки.

С точки зрения авторитарных правительств, цена использования ошибок Запада тоже значительно снизилась. Небрежность всего одного активиста может обернуться утечкой имен, фото, адресов электронной почты всех, с кем он контактирует. Оцифровка информации привела к ее концентрации: один похищенный пароль открывает возможности прежде

неслыханные. Представьте, к какому количеству данных – и людей! – даст доступ украденный у вас пароль от почтового ящика!

Безудержный киберутопизм обходится слишком дорого, поскольку авторитарные режимы не дремлют. Нет никаких гарантий, что они не найдут способ превратить интернет в мощное орудие угнетения. Если выяснится, что интернет вооружает также тайную полицию, цензоров, пропагандистов, то, скорее всего, задача демократизации усложнится, а не станет проще. Аналогичным образом, если интернет снизит уровень недовольства граждан режимом (потому что у них теперь есть доступ к безграничному морю дешевых цифровых увеселений или потому, что они нуждаются в защите государства от беззакония, царящего в киберпространстве), этот режим определенно получит еще один источник легитимности. Если интернет меняет характер политического сопротивления и инакомыслия, уводя их из действительности в анонимное виртуальное пространство, это скажется, и не обязательно положительно, на масштабе и темпе протестного движения.

Этого не понимают многие обозреватели, рассуждающие о влиянии интернета на политику. Непризнание того, что Всемирная паутина может укрепить, а не расшатать авторитарный режим, в высшей степени безответственно. Оно приводит к негодной политике, так как дает политикам ложную уверенность, будто все, что им нужно делать, – это действовать на упреждение, а не реагировать на сложившиеся обстоятельства. Если при внимательном рассмотрении выяснится, что авторитарные режимы определенных типов могут извлечь гораздо большую пользу из интернета, чем их оппоненты, Западу придется переориентироваться и вместо того, чтобы настраивать активистов против своих правительств, противодействовать использованию последними Всемирной паутины, чтобы они не стали еще авторитарнее. Нет смысла “прокачивать” революцию, если одновременно снижается вероятность ее успеха.

Инструмент без рукоятки

Большинство политиков блуждает по цифровому минному полю зажмурившись, распевая любимые киберутопические песенки и отказываясь обращать внимание на факты. До сих пор им невероятно везло: мины попадались редко. Однако теперь политики уже не могут позволить себе не смотреть под ноги: мины почти везде, и, благодаря росту интернета, они стали гораздо мощнее, а радиус поражения значительно выходит за границы киберпространства.

Шанти Калатил и Тейлор Боас в своей книге “Открытые сети, закрытые режимы” (новаторская работа 2003 года, посвященная влиянию на авторитаризм интернета до эпохи “веб 2.0”) указывали, что “здравый смысл... является составной частью той среды, в которой формируются политические принципы, и лучшее понимание того, как интернет влияет на политику, ведет к выработке лучшего политического курса”. Справедливо и обратное: недопонимание ситуации ведет к ошибочной политике.

Если единственный урок, который западные политики вынесли из иранских событий, состоит в том, что твиты подходят для мобилизации общества, им вряд ли удастся перехитрить своих авторитарных оппонентов, проявивших куда больше изобретательности в обращении с онлайн-миром. Становится ясно, что для полного понимания влияния интернета на демократизацию авторитарных государств требуется больше, чем просто изучение твитов иранской молодежи. Это только одна сторона медали. Необходим более тщательный многосторонний анализ, который будет учитывать всю совокупность сил, формируемых Сетью.

Нынешний когнитивный диссонанс – во многом заслуга самих доброхотов. В чем же они ошиблись? Возможно, в том, что сочли интернет детерминистской однонаправленной силой, нацеленной на всеобщее освобождение либо угнетение, космополитизм либо ксенофобию. В действительности интернет содействует всем этим силам сразу – и еще множеству других. И это все, что мы знаем о законах функционирования интернета. Какая из множества сил, высвобожденных Сетью, победит в определенной социальной и политической обстановке, сказать невозможно, не осмыслив ситуацию теоретически.

Столь же наивно думать, будто такая сложная, многоцелевая технология, как интернет, приведет к одинаковому результату, положительному или отрицательному, в таких разных странах, как Беларусь, Бирма, Казахстан и Тунис. Современные авторитарные режимы отличаются друг от друга настолько, что будет уместно перефразировать Льва Толстого: все свободные общества похожи друг на друга, каждое несвободное общество несвободно по-своему. Статистически маловероятно, что несопоставимые объекты будут реагировать одинаково на такой сильный стимул. Утверждать, будто интернет может привести к похожим переменам, то есть к демократизации, в таких странах, как Россия и Китай, все равно что сказать, будто глобализация также влияет на них одинаково. Сейчас, десятилетие спустя после начала нового века, подобный детерминизм выглядит очень сомнительным.

Равным образом ошибочно думать, что авторитаризм опирается только на грубую силу. Религия, культура, история, национализм – все эти могучие силы влияют на природу современного авторитаризма, и никто до конца не понимает, как именно, вне зависимости от того, участвует в этом интернет или нет. Иногда они подрывают авторитаризм. Чаще, однако, укрепляют. Все, кто верит в силу интернета, как верю в нее я, должны сопротивляться искушению интернетоцентризма, навязывающего представление, будто все эти сложные силы, направляемые техникой, действуют только в одном направлении, заставляя закрытые общества приоткрываться, быть сговорчивее, мягче, доступнее для демократизации. Интернет нужен, но мы пока не знаем, для чего именно. Парадоксально, но это только прибавляет

ему значимости: цена неверного обращения с ним огромна. Кое-что можно уяснить, поняв логику интернета. А ее нельзя понять вне ситуации, в которой она проявляется.

Конечно, подобная неопределенность в цифровую эпоху ничуть не упрощает задачу укрепления демократии. Но она может пойти на пользу, если политики и общество избавятся от интеллектуальных помех и предрассудков, которые ведут к мечтам, очень далеким от реальности. Истерика по поводу акций протеста в Иране ясно показала, что Запад нуждается в приемлемой рабочей гипотезе, описывающей влияние интернета на авторитаризм. Вот почему политики, отчаянно пытающиеся хоть что-нибудь понять в технике и демократизации, ошибочно интерпретируют недавние события, например падение коммунистических режимов в Восточной Европе. Какой бы ни была теоретическая значимость исторических параллелей, политикам следует помнить, что одна неверно подобранная историческая аналогия приведет к тому, что построенная на ее основе стратегия окажется неудачной.

И хотя может оказаться, что невозможно сформулировать много общих законов, описывающих взаимоотношения интернета и политических режимов, политики не вправе просто прекратить ломать над этим голову, начать исследования, рассчитанные на десятки лет, и спокойно дожидаться их результатов. Это нецелесообразно. По мере того, как интернет усложняется, расширяется и сфера его применения, а авторитарные режимы обычно очень скоро находят способ извлечь из этого выгоду. Чем дольше мы медлим, тем вероятнее, что некоторые из возможностей, сейчас предоставляемых интернетом, будут упущены.

Это не значит, что прирученный интернет не может стать могущественным инструментом политика. Если такой инструмент уже оказался у вас в руках, безответственно не пользоваться им. Правда, Лэнгдон Уиннер, один из самых проницательных людей, размышлявших о современной технике как политическом факторе, однажды заметил, что “наша техника, хотя ее мощь практически безгранична, – это набор инструментов без рукояток”. Интернет, к сожалению, не исключение. Политикам кажется, будто они крепко держат “рукоятку”, однако это иллюзия: инструмент их не слушается. Они не в состоянии ни использовать мощь интернета, ни предугадать последствия своих поступков. Между тем, совершенные ими ошибки суммируются и, как в случае Ирана, приводят к тяжелым последствиям.

Большинство попыток Запада использовать интернет для борьбы с авторитаризмом можно описать как лечение неверно диагностированной болезни негодными средствами. Политики мало что могут сделать с “лекарством”, которое постоянно изменяется и поэтому не работает так, как они предполагают. Отсутствие “рукоятки” тоже не идет на пользу. Что касается болезни, то положение очень тревожное. Авторитаризм того сорта, с которым пытаются бороться политики, остался в прошлом. Чем быстрее политики поймут, что времена изменились, тем быстрее они возьмутся за выработку интернет-политики, которая соответствует 2010, а не 1989 году.

Что же касается средств, то в хозяйстве пригодятся и инструменты без рукояток. Просто надо учитывать это и найти им применение, пусть и ограниченное. Но нужно убедиться, что такой инструмент не поранит того, кто возьмет его в руки. До тех пор, пока политики не усвоят, что их проблемы с интернетом вызваны его совершенно непредсказуемой динамикой, они никогда не смогут толком воспользоваться громадными возможностями Сети.

Глава 2

С новым 1989 годом!

История киберутопии небогата событиями, но двадцать первое января 2010 года точно займет место в ее анналах (наряду, вероятно, с рассуждениями Эндрю Салливана о роли “Твиттера” в тегеранских событиях). В тот день госсекретарь Хиллари Клинтон отправилась в вашингтонский Музей истории журналистики и новостей (*Newseum*), лучший в своем роде в Америке. Там госсекретарь произнесла историческую речь о свободе интернета, в которой отвела Всемирной паутине заметную роль во внешней политике.

Момент нельзя было выбрать удачнее. Всего неделей раньше компания “Гугл” объявила о своем уходе с китайского рынка, намекнув, что тут не обошлось без правительства КНР. По Вашингтону прокатилась волна возбуждения. Приверженность Америки делу свободы интернета обеспечивает работой целые вашингтонские семьи. “Обычные подозреваемые” (политологи, лоббисты, советники) с нетерпением принялись ждать первых залпов “войны за свободу интернета”, обещавшей им щедрое финансирование. Все в Вашингтоне с восторгом восприняли идею этого похода во имя всемирной справедливости, который позволил бы аналитическим центрам поставить на поток публикацию глубокомысленных научных трудов, военным подрядчикам – разработать несколько передовых технологий для преодоления цензурных барьеров, а неправительственным организациям – провести ряд рискованных тренингов в экзотических местах планеты. Вот почему вашингтонцы чаще, чем жители любого другого города мира (в том числе Тегерана и Пекина), печатают в поисковой строке “Гугла” слова “свобода интернета”. Кампания в защиту свободы Сети – типично вашингтонский феномен.

Это была уникальная встреча. Нечасто вашингтонская “мафия” (застегнутые на все пуговицы аналитики и эксперты) с “блэкберри” сталкивается с поклонниками айфонов – неряшливыми, не признающими дресс-кодов предпринимателями из Кремниевой долины. Мало что могло свести вместе Ларри Даймонда, старшего научного сотрудника консервативного Гуверовского института, бывшего старшего советника Временной администрации коалиционных сил в Ираке, с Крисом Мессиной по прозвищу Фэктори Джо, двадцатидевятилетним пропагандистом “веб 2.0” и “защитником открытой Сети” (это официальное название его должности в “Гугле”). Это была общая вечеринка нон-конформистов и карьеристов.

В своей речи Клинтон ничего нового не сообщила. Ее целью было объявить “свободу интернета” новым приоритетом американской внешней политики. Судя по шуму, который выступление Клинтон вызвало в СМИ, цель была достигнута, даже если детали и остались неизвестны. Выводы, сделанные госсекретарем, звучали крайне бодро (“свобода информации обеспечивает мир и безопасность, которые составляют основу глобального прогресса”), так же, как и предложенные рецепты: “Нам следует вложить эти орудия в руки людей по всему миру, которые воспользуются ими для распространения демократии и прав человека”. Обилие модных словечек (“дефицит на нынешнем рынке инноваций”, “использование силы коммуникационных технологий”, “долгосрочные дивиденды, приносимые скромными инвестициями в инновации”), вероятно, стоит отнести на счет желания понравиться пришельцам из Кремниевой долины.

Оставим в стороне чрезмерный оптимизм и профессиональное пустословие. Творческий подход Клинтон к новейшей истории – вот что действительно заслуживает внимания. Хиллари Клинтон провела параллель между препятствиями, стоящими на пути распространения свободы интернета, и опытом поддержки диссидентов во времена холодной войны. Рассказывая о недавнем визите в Германию на торжества, посвященные двадцатой годов-

щине падения Берлинской стены, Клинтон упомянула “самоотверженных мужчин и женщин”, “боровшихся против угнетения, распространяя самиздат”, который “помог пробить бетон и разорвать колючую проволоку ‘железного занавеса’”. (Музей истории журналистики и новостей – очень подходящее место для того, чтобы дать волю ностальгии по временам холодной войны: там находится крупнейшая за пределами Германии коллекция обломков Берлинской стены.)

Нечто похожее, по словам Хиллари Клинтон, происходит и сейчас: “Одновременно с распространением сетей по миру вместо осязаемых стен вырастают виртуальные”. И по мере того, как “во многих странах опускается новый, информационный занавес, вирусные видеоролики и записи в блогах становятся самиздатом наших дней”. Несмотря на то, что Клинтон не обозначила почти никаких политических задач, о них было нетрудно догадаться: виртуальные “стены” надлежит пробить, информационные занавесы – поднять, распространение цифрового самиздата – поддержать, а блогеров – назначить диссидентами.

Поскольку речь шла о Вашингтоне, то произнесение Хиллари Клинтон выражения “новый информационный занавес” тем же тоном, что и “Берлинская стена”, было равнозначно объявлению 3D-сиквела холодной войны. Она угадала тайное желание множества политиков, которым до зарезу нужен был понятный враг. Такой враг, что отличался бы от бородачей из пещер Вазиристана, которым мало дела до рассуждений о балансе сил и которые буквально оккупировали текущую повестку дня.

Особенно происходящее порадовало соратников Рональда Рейгана. Победившие в аналоговой холодной войне, они чувствовали в себе силы выиграть и цифровую. Однако не слово “интернет” сделало свободу интернета настолько привлекательной для этой группы. Задача по уничтожению киберстен буквально стала спасительным кругом для стареющих солдат холодной войны, быстро теряющих связь с миром, который озабочен, например, изменением климата и недостаточным регулированием финансовых рынков. Не то чтобы остальные проблемы современности не важны: они недостаточно важны в сравнении с борьбой против коммунизма. Для многих членов стремительно вымирающего лобби эпохи холодной войны битва за свободу интернета – это последний шанс на то, чтобы вернуть себе интеллектуальное лидерство. В конце концов, кого призовет публика, как не их, неутомимых и самокритичных государственных мужей, которые когда-то уже помогли избавить мир ото всех этих стен и занавесов?

Гнездо для “ястреба”

Всего несколько месяцев спустя одна из таких вашингтонских групп провела яркую конференцию, посвященную обсуждению того, как политика времен холодной войны (особенно поддержка Западом советских диссидентов) может быть извлечена из чулана истории и применена в современных условиях. Мероприятие, на котором председательствовал Джордж У. Буш (к тому времени почти сошедший с политической сцены), собрало ряд воинственных неоконсерваторов. Они решили объявить собственную войну за свободу интернета (возможно, из отвращения к вялой внешней политике администрации Барака Обамы).

Было, конечно, нечто сюрреалистическое в том, что в этом клубе председательствует Буш: будучи президентом, он довольно пренебрежительно отзывался об “интернетах”. С другой стороны (для Буша по крайней мере), мероприятие почти не имело отношения к Сети как таковой. Целью скорее был перенос повестки распространения свободы в мире (*freedom agenda*) на цифровые просторы. Считая интернет своим союзником, Буш, который всегда гордился собственной репутацией лучшего друга диссидентов (находясь на посту президента, он встретился более чем с сотней из них), согласился провести встречу “глобальных кибердиссидентов” в Техасе. Конференция с участием нескольких политических блогеров из таких стран как Сирия, Куба, Колумбия и Иран стала одним из первых заметных публичных мероприятий, организованных только что созданным Институтом им. Джорджа У. Буша. Помпезность мероприятия (темы дискуссий были сформулированы, например, так: “Истории о свободе с передовой” и “Глобальные уроки электронной свободы”) свидетельствует о том, что даже два десятилетия спустя после падения Берлинской стены ветераны холодной войны по-прежнему сильны в манихейской риторике.

Однако конференция в Техасе не стала просто собранием безработных неоконсерваторов. Там присутствовали и уважаемые эксперты по интернету, например, Итан Цукерман и Хэл Робертс из Беркмановского центра по изучению интернета и общества (Гарвард). В Техас отправился даже высокопоставленный чиновник Госдепа, то есть человек Обамы. “Эта конференция привлекает внимание к деятельности нового поколения диссидентов, вселяя надежду, что оно станет маяком для остальных”, – заявил Джеймс Глассман, бывший высокопоставленный сотрудник администрации Буша, ныне президент Института им. Джорджа У. Буша. По словам Глассмана, целью конференции было “определить тенденции эффективной киберсвязи, которая распространяет свободу и способствует продвижению прав человека”. Отмечу, что Джеймс Глассман значит для киберутопизма то же, что Генри Торо – для доктрины гражданского неповиновения. Он выступил соавтором книги “Доу 36 000”, в которой говорилось, что индекс Доу-Джонса находится на пути к новым высотам. Книга увидела свет в 2000 году, за несколько месяцев до того, как лопнул пузырь доткомов.

Дэвид Кейс, директор проекта “Кибердиссиденты” (*Cy berdissidents.org*), был одним из ключевых ораторов на мероприятии Буша. Он стал своего рода “мостиком” в мир старых советских диссидентов. Кейс работал с Натаном Щаранским, видным советским диссидентом, чей образ мыслей оказал большое влияние на представления администрации Буша о борьбе за свободу во всем мире. (Манифест Щаранского “В защиту демократии” – одна из немногих книг, прочитанных Бушем во время пребывания в должности президента, – по его словам, заметно на него повлияла: “Если хотите вкратце узнать, что я думаю о внешней политике, прочитайте книгу Натана Щаранского... Прочитайте. Отличная книга”.) По словам Кейеса, миссия “Кибердиссидентов” состоит в том, чтобы “сделать знаменитыми ближневосточных интернет-активистов, борющихся за демократию, и заставить Запад их полю-

бить”, то есть приблизить их по уровню популярности к Щаранскому (кстати, последний – один из советников этого проекта).

Но не следует торопиться с выводами. “Киберконсерваторы”, съехавшиеся в Техас, – не мечтательные утописты, думающие, будто интернет волшебным образом очистит мир от диктаторов. Напротив, они охотно соглашались (гораздо охотнее, чем либералы из администрации Обамы), что авторитарные правительства в интернете не менее активны. “Демократии твитами не добиться”, – пишет Джеффри Гедмин, президент “Радио Свободная Европа/Радио Свобода”⁵, также посетивший это мероприятие. Гедмин, ставленник Буша, – очень заметная фигура среди консерваторов (он занимает, кроме прочего, руководящую должность в Американском институте предпринимательства). То, что киберконсерваторы уверовали в способность блогеров свергать правительства, – не признак киберутопизма, а скорее элемент видения неоконсерваторами природы авторитаризма и роли диссидентов (онлайновых и обычных) в его трансформации. Оттенки утопизма, само собой, хорошо различимы в их подходе, но это утопический взгляд не на технологию. Это утопический взгляд на политику вообще.

Иракский опыт несколько остудил пыл неоконсерваторов, но их убежденность в том, что все общества стремятся к демократии и (если, конечно, все препятствия будут устранены) будут развиваться именно в этом направлении, сильна как никогда. Киберконсерваторы не сразу осознали огромный потенциал интернета для достижения намеченной ими цели. Менее чем за двадцать лет Сеть устранила больше препятствий, чем вся политика неоконсерваторов, но, поскольку авторитарные правительства не сидели сложа руки и активно осваивали киберпространство, теперь их нужно остановить. С точки зрения большинства присутствовавших на мероприятии Буша, борьба за свободу интернета быстро стала существеннейшей задачей нового века, которая поможет завершить проект, начатый Рональдом Рейганом в 80-е годы и старательно продолженный Бушем в первое десятилетие нового века. Кажется, что в загадочной свободе интернета неоконсерватизм, который, как многие считали, пришел в упадок, обрел новый смысл существования – а с ним и возрождение идеологии.

Мало кто демонстрирует сложные интеллектуальные связи истории холодной войны и неоконсерватизма с дивным новым миром свободы интернета лучше, чем Марк Палмер. Палмер, соучредитель Национального фонда поддержки демократии (крупнейшая в мире организация, содействующая распространению демократии и финансируемая Конгрессом США), служил послом в Венгрии в последние годы коммунистического режима, поэтому прекрасно осведомлен о борьбе восточноевропейских диссидентов. Столь же хорошо Палмеру известно о том, как Запад им помогал, поскольку значительная доля этой помощи проходила через американское посольство. В настоящее время Палмер, член сверхвоенного Комитета по существующей опасности, стал главным защитником свободы интернета, в основном в интересах Фалуньгун – преследуемой китайскими властями духовной группы, одного из главных закулисных игроков в быстро растущей индустрии защиты свободы интернета. В 1999 году, когда у этой группы возник конфликт с китайским правительством, несколько веб-сайтов Фалуньгун были заблокированы. Для преодоления многочисленных китайских файерволов последователи Фалуньгун создали впечатляющий набор технологий, позволяющих китайцам получить доступ к заблокированным сайтам. Палмер выступал со страстными призывами (в том числе в Конгрессе) к правительству США увеличить ассигнования кампании Фалуньгун, в том числе с целью распространения таких технологий в других угнетенных странах. Госдеп США отверг по меньшей мере одно такое требование, однако в мае 2010 года, под давлением многочисленных сторонников Фалунь-

⁵ Джеффри Гедмин был президентом “Радио Свободная Европа/Радио Свобода” с 2007 по 2011 год. – *Прим. ред.*

гун, в том числе консервативных организаций вроде Хадсоновского института, и передовиц в “Нью-Йорк таймс”, “Вашингтон пост” и “Уолл-стрит джорнал”, он уступил. Группе выделили 1,5 миллиона долларов.

Взгляды Марка Палмера на потенциал интернета воплощают подход киберконсерваторов в его агрессивном варианте. В книге 2003 года “Переламывая настоящую ‘ось зла’. Как к 2025 году свергнуть последних диктаторов мира” – пособию по свержению сорока пяти авторитарных лидеров (Дик Чейни на этом фоне выглядит сущим “голубем”) – Палмер превозносит мощь интернета-освободителя, “расширяющего возможности демократии и обескровливающего диктаторов”. С его точки зрения, интернет – это отличный способ подогреть недовольство граждан, которое со временем может вылиться в революцию: “Навыкам работы в интернете легко научить, и это должны сделать сторонние демократические страны. Несколько инициатив такого рода принесут больше пользы, чем ‘обучение учителей’ для сетевой организации”. Итак, интернет – мощный инструмент свержения режима; продемократически настроенных активистов из авторитарных государств следует более или менее одинаково учить тому, как вести блог или оставлять записи в “Твиттере” – так же, как их учат гражданскому неповиновению и организации уличных протестов (излюбленные темы оплачиваемых США тренингов, на содержание которых сильно повлияли труды американского активиста и ученого Джина Шарпа, этого Макиавелли ненасильственной политики).

Применительно к Ирану, например, одно из предложенных Палмером решений заключается в том, чтобы превратить дипмиссии демократических государств в “дома свободы” (*freedom houses*), создать для иранцев интернет-кафе с доступом к коммуникационному оборудованию, а также безопасные места для встреч”. Но пристрастие Палмера к “домам свободы” далеко не ограничивается Ираном. Он является членом совета попечителей и бывшим вице-председателем организации “Фридом хаус” (*Freedom House*), еще одной консервативной организации, которая занята тем, что наблюдает за демократизацией по всему миру и, если представляется удобная возможность, способствует ей. (Из-за предполагаемого участия в подготовке украинской оранжевой революции “Фридом хаус” и “Открытое общество” Джорджа Сороса стали главными кремлевскими пугалами.) Отчасти, вероятно, под давлением Палмера “Фридом хаус”, изучающий пути демократизации, недавно проявил интерес и к цифровой сфере. Организация опубликовала доклад о ситуации со свободой интернета в пятнадцати странах и при финансовой поддержке американского правительства открыла программу “Свобода интернета” (*Internet Freedom Initiative*). Каким бы ни был освободительный потенциал интернета, для Вашингтона он останется любимой индустрией будущего.

Холодная кибервойна

Неверно считать, что только неоконсерваторы припоминают свои прежние заслуги, пытаясь освоиться в цифровом мире. Представление, будто интеллектуальное наследие холодной войны можно использовать для того, чтобы лучше разобраться в новых проблемах, порождаемых интернетом, широко распространено среди представителей всего спектра американской политики. “Чтобы выиграть кибервойну, взгляните на войну холодную”, – пишет Майк Макконнел, бывший шеф американской разведки. “[Бой за свободу интернета] во многом напоминает задачу, которая стояла перед нами во время холодной войны”, – вторит ему Тед Кауфман, сенатор-демократ от штата Делавэр. Фрейд здорово посмеялся бы, если бы увидел, как интернет (гибкая и устойчивая сеть, созданная американскими военными, чтобы обезопасить свои коммуникации в случае советского нападения) силится избавиться от наследия холодной войны. Подобная интеллектуальная утилизация совершенно не удивительна. Борьба с коммунизмом дала внешнеполитическому истеблишменту столько словечек и метафор – “железный занавес”, “империя зла”, “звездные войны”, “отставание по ракетам”, – что многие из них можно сегодня воскресить, просто прибавляя к ним “кибер-”, “цифровой” и “2.0”.

Берлинскую стену поминают гораздо чаще, чем любое другое явление времен холодной войны. Американские сенаторы питают особенное пристрастие к метафорам, проистекающим из ее кажущегося сходства с файерволом. Арлен Спектер, демократ от Пенсильвании, призвал американское правительство “вышибать клин клином, отыскивая способы пробить брешь в этих файерволах, которые воздвигают диктаторы, чтобы контролировать народы и удерживаться у власти”. Почему? А потому, что “разрушение этих стен может сравниться с эффектом разрушения Берлинской стены”. В октябре 2009 года Сэм Браунбек, сенатор-республиканец от штата Канзас, заявил, что “по мере того, как близится двадцатая годовщина разрушения Берлинской стены, мы должны... посвятить себя изысканию способов разрушения... киберстен”. Будто спичрайтеры Рональда Рейгана вернулись в строй!

Речи европейских политиков не менее образны. Бывший премьер-министр Швеции Карл Бильдт полагает, что диктаторы неминуемо потерпят крах, поскольку “киберстены обречены пасть, как были обречены стены из бетона”. Даже представители либеральных неправительственных организаций не могут устоять перед искушением. “Так же, как во время холодной войны, когда существовал ‘железный занавес’, сейчас есть озабоченность, что авторитарные правительства... опускают ‘виртуальный занавес’”, – заявил Арвинд Ганесан из “Хьюман райтс вотч”.

Журналисты, всегда готовые пожертвовать нюансами ради мнимой ясности, – худшие из всех истолкователи истории холодной войны. Так, Роджер Коэн, внешнеполитический обозреватель газеты “Интернэшнл геральд трибюн”, пишет, что кличем XX века был: “Разружьте эту стену”⁶, а подходящий для XXI века призыв – “Разружьте эту киберстену”. Дэвид Фейт из журнала “Форин эффэйрс” заявляет, что “как восточные немцы, сбегая через КПП ‘Чарли’, подвергали сомнению советскую легитимность, так и нынешние ‘хактивисты’ делают то же самое, пробивая бреши в киберстенах”. Чтобы лингвистическая неразборчивость не выглядела простым совпадением, Эли Лейк из “Нью репаблик”, подчеркивает, что “во времена холодной войны главной метафорой репрессий со стороны тоталитарных режимов служила Берлинская стена. Если обновить метафору, то сейчас следует говорить о ‘киберстене’” (как будто сходство самоочевидно).

⁶ Пассаж из речи Рональда Рейгана, произнесенной в Берлине и обращенной к Михаилу Горбачеву. – *Прим. перев.*

Еще хуже, когда наблюдатели проводят прозрачные, по их мнению, параллели, выходящие далеко за рамки сравнения Берлинской стены с файерволом, и пытаются связать некоторые явления, присущие эпохе холодной войны, и современный интернет. Так, блогинг становится самиздатом (Ли Боллинджер из Колумбийского университета считает, что Сеть, “подобно подпольному самиздату... позволяет пользоваться свободой слова в обход ограничений, устанавливаемых деспотичными режимами”). Блогеры превращаются в диссидентов (Алек Росс, старший советник Хиллари Клинтон по новым технологиям, заявил, что “блогеры – в своем роде диссиденты XXI века”). Да и сам интернет становится новой, улучшенной платформой для западного иновещания (Клэй Шерки из Университета Нью-Йорка утверждает, что интернет для авторитарных государств “гораздо страшнее, чем ‘Голос Америки’”). Лексикон холодной войны оказывает глубокое влияние на то, как западные политики оценивают интернет и его эффективность в качестве политического инструмента, и нет ничего странного в том, что многим из них Сеть очень нравится: ведь блоги, если речь идет о распространении информации, в самом деле эффективнее фотокопировальных аппаратов.

Таким образом, истоки масштабной киберконсервативной программы отыскать легко. Те, кто принимает эти метафоры всерьез – вне зависимости от идеологии, – неминуемо приходят к убеждению, что интернет – это новое поле битвы за свободу, и коль скоро западные политики гарантируют, что прежние киберстены разрушены, а вместо них не выросли новые, авторитаризм обречен.

Опасные аналогии

Но, может быть, не стоит игнорировать опыт холодной войны? Ведь она окончилась сравнительно недавно и еще жива в памяти многих из тех, кто сражается сейчас за свободу интернета. Многие аспекты холодной войны, связанные с информацией (например, радио-подавление), хотя бы отчасти имеют техническое сходство с сегодняшней обеспокоенностью цензурой в интернете. Кроме того, люди, которые принимают решения (в любой сфере, а не только в политике), столкнувшись с новыми задачами, неминуемо станут опираться на собственный опыт, даже если будут вынуждены пересмотреть некоторые свои предыдущие выводы под влиянием новых фактов. Мир международной политики слишком сложен, чтобы понять его без обращения к заимствованным понятиям и идеям. Люди, принимающие решения, неизбежно будут прибегать к метафорам для того, чтобы объяснить и обосновать эти решения. Следовательно, важно убедиться, что метафора прибавляет концептуальной ясности. Иначе это не метафора, а лозунг, легко вводящий в заблуждение.

Употребление метафор связано с издержками: они могут помочь уловить суть сложной проблемы, лишь приуменьшив значение других, кажущихся менее важными, сторон. Так, модель “эффекта домино”, популярная в годы холодной войны, предполагала, что если в одной стране победят коммунисты, другие страны вскоре ждет та же судьба, и в итоге все кости домино упадут. Хотя эта метафора, возможно, и помогла людям уяснить необходимость противостоять распространению коммунизма, она абсолютизирует взаимозависимость стран, почти не учитывая внутренние причины их нестабильности. Она недооценивает возможность того, что демократические правительства могут пасть сами собой, безо всякого внешнего воздействия. Но это становится очевидно только в ретроспективе. Главный недостаток метафор (неважно, насколько они удачны) в том, что когда они попадают в широкий оборот, мало кто обращает внимание на те аспекты проблемы, которые не охватывала первоначальная метафора. (По иронии, как раз в Восточной Европе, когда коммунистические правительства терпели крах одно за другим, казалось бы, как раз и проявил себя “эффект домино”.) “Опасность метафорического мышления заключается в том, что люди нередко переходят от выявления общих черт к допущению тождественности, то есть от понимания того, что нечто *похоже* на что-либо другое, к уверенности в том, что нечто *точно-в-точно такое же*, как что-либо другое. Проблема коренится в использовании метафор как замены новых мыслей, а не как стимула к творческому мышлению”, – пишет Кит Шимко, политический психолог из Университета Пердью. Неудивительно, что аналогии нередко создают иллюзию полнейшего владения предметом и внушают политикам ложное представление о сходстве явлений, которые на самом деле не имеют ничего общего.

Настораживает беззаботность, с которой западные политики начинают разбрасываться метафорами вроде “виртуальных стен” или “информационных занавесов”. Такие метафоры не только преувеличивают отдельные аспекты задачи по защите свободы интернета (например, трудность трансляции критических сообщений в страну-объект пропаганды), но и преуменьшают значение других ее аспектов (например, то, что само правительство искомой страны может воспользоваться Сетью для установления слежки или распространения пропаганды). Подобные аналогии также политизируют получателей информации, исходящей с другой стороны “стены” или “занавеса”, почти автоматически приписывая им прозападный настрой или, по меньшей мере, серьезное недовольство собственным правительством. А иначе зачем пытаться тайно приподнять занавес?

Западные политики, потратившие много времени и сил на то, чтобы проломить железный занавес, похоже, не заметили гораздо более действенных способов преодолеть занавес информационный. Опыт заставляет их видеть повсюду занавесы, которые следует поднять,

а не, например, поля, нуждающиеся в поливе. А ведь подход к проблеме, не отягченный дезориентирующей аналогией, показал бы, что перед нами “поле”, а не “стена”. Имеющийся у политиков опыт решения сходных задач, однако, затрудняет поиск действенных решений новых задач. Это хорошо известный феномен, который психологи называют эффектом Лачинса (эффектом установки).

Многие метафоры времен холодной войны подразумевают определенные решения. Чтобы демократия могла пустить корни, следует разрушить стены и поднять занавесы. То, что демократия может не прижиться и после уничтожения виртуальных стен, эти метафоры не предполагают (хотя бы потому, что такова мирная история посткоммунистической Восточной Европы). Заражая политиков неумеренным оптимизмом, метафоры времен холодной войны дают иллюзорное ощущение завершенности и необратимости. Прodelать брешь в файерволе – совсем не то же самое, что проломить Берлинскую стену или поднять шлагбаумы на КПП “Чарли”: “латание” файервола, в отличие от перестройки бетонной стены, занимает всего несколько часов. Настоящие стены дешевле уничтожить, чем возвести, но их цифровые эквиваленты – наоборот. Метафора “киберстены” ошибочно предполагает, что на месте устраненных цифровых преград не возникают новые, совершенно отличные от них. Это предположение совершенно неверное, поскольку контроль над интернетом принимает разные формы и вовсе не ограничивается блокированием сайтов.

Когда такой язык проникает в политический анализ, это может привести к поразительно нерациональному распределению ресурсов. И когда авторы передовицы в “Вашингтон пост” заявляют, что “если в файерволе достаточно дыр, он рухнет. Технические возможности для этого существуют. Необходима только большая мощность”, то это утверждение (верное с технической точки зрения) в высшей степени ошибочно. “Большая мощность”, конечно, может помочь временно преодолеть файерволы, однако это не гарантирует, что принципиально отличные от файервола методы не окажутся гораздо эффективнее. Продолжать пользоваться метафорой киберстены – значит пасть жертвой предельного интернетоцентризма, закрыть глаза на социально-политическую суть проблемы контроля над интернетом и сосредоточиться исключительно на ее технической стороне.

Вопрос терминологии нигде не стоит так остро, как в общественной дискуссии на тему драконовского контроля над интернетом в Китае. С тех пор как в 1997 году журнал “Уайерд” назвал эту систему “Великим китайским файерволом”, большинство западных обозревателей пользуются этим образом для описания проблемы и ее возможных решений. В то же время остальным важным аспектам контроля над китайским интернетом, особенно распространению самоцензуры среди китайских интернет-компаний и развитию сетевой пропаганды, уделяют куда меньше внимания. По словам Локмана Сюя, исследователя интернета из университета Пенсильвании, “ [метафора] ‘Великого китайского файервола’... мешает нам понять, что такое интернет в Китае, и, следовательно, выработать правильную политику в отношении него... Если мы хотим прийти к пониманию китайского интернета во всей его сложности, то в первую очередь должны перестать думать о ‘Великом файерволе’ – образе, уходящем корнями в холодную войну”. Совет заслуживает внимания, но пока политики ностальгируют по временам холодной войны, этого не произойдет.

Фотокопии – это не записи в блоге

Устаревший язык характерен и для истолкования обществом многих других сфер интернет-культуры, что в итоге приводит к нерезультативной и даже контрпродуктивной политике. Сходство интернета с техническими средствами, которыми оперировал самиздат (факсы и копировальные аппараты), меньше, чем можно вообразить. Самиздат, растиражированный на контрабандном копировальном аппарате, можно было использовать только двумя способами: текст можно было прочитать и передать дальше. Однако интернет – по определению гораздо более сложный медиатор, выполняющий бесконечно много задач. Он не только позволяет распространять неудобную для правительства информацию, но и помогает государству следить за гражданами, утолять их жажду развлечений, скармливать им изошренную пропаганду и даже организовывать кибератаки на Пентагон. Решения Вашингтона, регулирующие использование факсов и копировальных аппаратов, мало повлияли на венгерских или польских пользователей оргтехники. И, напротив, многие из решений относительно блогов и социальных сетей, принимаемых в Брюсселе, Вашингтоне или Кремневой долине, сказываются на всех пользователях в Китае и Иране.

Сходным образом взгляд на блогинг как на самиздат игнорирует многие его черты, способствующие укреплению режима, и упрочивает миф об интернете-освободителе. Едва ли в СССР существовал самиздат проправительственного характера (хотя в самиздате, заметим, печаталось много критики в адрес правительства за отход от основ марксизма-ленинизма). Если человек желал выразить поддержку партии и правительству, он мог написать письмо в местную газету или озвучить свою позицию на ближайшем партсобрании. Блоги же бывают самые разные, и ведут их люди с разными идеологическими установками. В Иране, Китае и России множество проправительственных блогов. Авторы многих всерьез поддерживают режим или, по крайней мере, некоторые его шаги, например, во внешней политике. Приравнивать блогинг к самиздату, а блогеров – к диссидентам, – значит закрывать глаза на то, что творится в чрезвычайно разнообразном мире новых медиа по всему миру. Многие блогеры настроены радикальнее своего правительства. Сьюзан Шерк, эксперт по азиатской политике и бывший заместитель помощника госсекретаря в администрации Клинтона, рассказывала: “Китайские чиновники... говорят, что испытывают растущее давление со стороны националистического общественного мнения. ‘А как вы узнаете, – спрашиваю я, – каково на самом деле общественное мнение?’ ‘Ну, это просто, – отвечают они. – Я узнаю о нем из ‘Глобал таймс’ [националистический таблоид, публикующий материалы о внешней политике и контролируемый государством] и из интернета”. Вот такое общественное мнение может порождать условия для проведения государством более жесткой политики, даже если правительству это не особенно нравится. “Китайские популярные медиа и веб-сайты дышат ненавистью к японцам. Заметки о Японии читают на сайтах чаще, чем новости на любую другую тему, а антияпонские петиции становятся очагами коллективных действий в Сети”. Иранская блогосфера тоже не отличается толерантностью. Так, в конце 2006 года консервативный блог обрушился на Ахмадинежада за то, что тот, находясь за границей на спортивном мероприятии, разглядывал женщин-танцоров.

Хотя прежде можно было утверждать, что существует некая линейная зависимость между количеством самиздата в обороте или даже числом диссидентов и перспективами демократизации, трудно принять этот аргумент в отношении блогинга и блогеров. Само по себе то, что китайских или иранских блогов становится больше, не означает, что демократизация пойдет успешнее. Многие аналитики приравнивают демократизацию к либерализации. Это не так. Демократизация, в отличие от либерализации, – процесс, результат которого очевиден. “Политическая либерализация влечет за собой расширение общественной сферы

и основных свобод (не бесповоротное), но не конкуренцию взглядов на эффективное государственное управление”, – считают специалисты по ближневосточной политике Хольгер Альбрехт и Оливер Шлумбергер. Возможно, чем громче звучат голоса в Сети, тем лучше, однако по-настоящему важно, обернется ли это более активным участием в политике и голосованием. (И даже если это будет так, не все такие голоса в равной степени представительны, поскольку результаты выборов нередко фальсифицируются еще до того, как они начались.)

Чей твит прикончил СССР?

Главная проблема подхода к свободе интернета, отмеченного влиянием холодной войны, в том, что подход этот основан на поверхностной, триумфалистской трактовке ее финала. История политиков имеет мало общего с историей историков (представьте, что для того, чтобы разобраться в принципах работы блестящего новенького айпада, мы обратились бы к невнятной инструкции XIX века по пользованию телеграфным аппаратом, которая к тому же была бы сочинена псевдоученым, не знакомым с физикой). Выбор холодной войны как источника отношения к интернету приведет нас в тупик хотя бы потому, что изучение ее самой настолько затруднено спорами и противоречиями (которые множатся год от года по мере того, как историки получают доступ к новым архивам), что совершенно не годится для сравнительного исследования, не говоря уже о том, чтобы определить эффективную политику на будущее.

Защитники свободы интернета обычно прибегают к риторике времен холодной войны, стремясь указать на причинно-следственную связь между распространением информации и крахом коммунизма. Политические последствия такого сопоставления легко предугадать: технологиям, которые обеспечивают увеличение мощности информационных потоков, следует отдать приоритет и оказать им основательную общественную поддержку.

Обратите внимание, например, на характеристику холодной войны, данную обозревателем “Уолл-стрит джорнал” Гордоном Кровицем. Он пишет, что “победа в холодной войне была одержана благодаря распространению информации о свободном мире... в мире тиранов, боящихся собственных граждан. А новые инструменты Сети, должно быть, вызовут еще больший страх, если внешний мир сделает все, чтобы люди получили доступ к этим инструментам”. (Кровиц обосновывал бюджетное финансирование групп в интернете, связанных с движением Фалуньгун.) Другая колонка, напечатанная в “Уолл-стрит джорнал” в 2009 году (авторы – бывшие сотрудники администрации Буша), содержит тот же трюк: “Поскольку фотокопировальные и факсимильные аппараты помогли польским диссидентам из ‘Солидарности’ в 80-е годы...” (это определитель, в отсутствие которого совет может показаться менее достойным доверия), то “...следует обеспечить грантами отдельные группы, разрабатывающие и испытывающие технологии, которые позволяют разрушать файерволы”.

Возможно, это достойные внимания политические рекомендации, однако они основаны на своеобразной (некоторые историки скажут – сомнительной) оценке событий холодной войны. Ее неожиданный, скоротечный финал породил всевозможные теории о власти информации над властью политической. То обстоятельство, что крах коммунизма на Востоке совпал с началом нового этапа информационной революции на Западе, многих убедило в том, что это и есть единственная причина случившегося. Появление интернета стало лишь самым заметным прорывом, львиная же доля почестей за поражение Советов досталась остальным технологиям, в первую очередь радио. “Как Запад победил в холодной войне? – вопрошает Майкл Нельсон, бывший председатель Фонда Рейтера, в книге 2003 года об истории западного радиовещания на страны советского блока. – Отнюдь не силой оружия. Не оно пробило железный занавес – Запад осуществил вторжение через радио, которое оказалось сильнее меча”. Автобиографии радиожурналистов и руководителей, командовавших “вторжением” с аванпостов вроде “Радио Свобода” или “Голоса Америки”, отмечены самодовольной риторикой. Их авторы явно не станут преуменьшать собственную роль в установлении демократии в Восточной Европе.

В широком распространении подобных взглядов следует винить того же героя, который, по убеждению консерваторов, выиграл холодную войну, – Рональда Рейгана. Поскольку именно он курировал упомянутые радиостанции и негласную поддержку диссидентов,

распространявших самиздат, приписывание победы над коммунизмом новым технологиям должно было неминуемо привести к прославлению самого Рейгана. Рейгану не пришлось долго ждать признания. Объявив, что “электронные лучи проникают сквозь железный занавес как сквозь кружево”, он начал разговор, который постепенно перешел на призрачный мир “виртуальных занавесов” и “киберстен”. Стоило Рейгану назвать информацию “кислородом современной эпохи”, который “просачивается сквозь стены с колючей проволокой, сквозь электрические заборы”, ученые мужи, политики и эксперты почувствовали, что в их распоряжении оказалась настоящая россыпь метафор. А многочисленные поклонники Рейгана восприняли это как долгожданное признание вклада своего кумира в установление демократии в Европе. (Китайских производителей микрочипов должно очень веселить предсказание Рейгана, что “Голиаф тоталитаризма будет сокрушен Давидом-микрочипом”).

Всего несколько месяцев ушло на то, чтобы придать заявлениям Рейгана аналитический лоск и увязать их с действительностью. В 1990 году корпорация “Рэнд” (*RAND Corporation*, аналитический центр со штаб-квартирой в Калифорнии, который, быть может, в силу своего местоположения, никогда не упускает возможность вознести хвалу могуществу современных технологий) пришла к поразительно схожему выводу. “Коммунистический блок потерпел неудачу, – говорилось в своевременно опубликованном докладе, – в основном (или во многом) не из-за своей централизованной экономики или непомерного бремени военных расходов, а потому, что закрытые общества входящих в него стран слишком долго отвергали плоды информационной революции”. Этот взгляд оказался поразительно устойчивым. В конце 2002 года Фрэнсис Фукуяма (кстати, питомец “Рэнд”) написал, что “тоталитарные методы управления основывались на государственной монополии на информацию, и как только современные информационные технологии сделали такую монополию невозможной, мощь режима была подорвана”.

В 1995 году те, кто свято верил в способность информации сокрушить авторитаризм, обрели манифест длиной в книгу. “Демонтаж утопии: как информация прикончила Советский Союз”, книга Скотта Шейна, который в 1988–1991 годах служил корреспондентом газеты “Балтимор сан” в Москве, попытался так обосновать значимость информации: “Советскую иллюзию погубили не танки и бомбы, а факты и мнения, информация, скрываемая десятилетиями”.

Огромную роль, по Шейну, сыграло то, что в эпоху гласности, когда открылись информационные ворота, люди одновременно узнали правду и о бесчинствах КГБ, и о жизни на Западе. Шейн оказался не так уж неправ: доступ к скрываемой властями информации раскрыв ложь, нагроможденную советским режимом. (Учебники истории подверглись столь серьезным изменениям, что в 1988 году пришлось отменить всеобщий экзамен по этому предмету, поскольку было неясно, можно ли считать историей прежний учебный курс.) По словам Шейна, “обычная информация, голые факты, взрывались как гранаты, разрушая систему и ее легитимность”.

Товарищ! Придержи информационную гранату

Взрывоопасные факты – хороший образ для публицистического дискурса, но это не единственная причина, почему эта идея столь популярна. Она неизменно выводит на первый план людей, а не некие абстрактные исторические или экономические силы. Любые трактовки финала холодной войны, в которых главной является информация, отдают приоритет вкладу диссидентов, участников демонстраций, НКО перед структурными, историческими факторами: неподъемным внешним долгом центральноевропейских государств, спадом в советской экономике, неспособностью Организации Варшавского договора противостоять НАТО.

Те, кто отвергает структурное объяснение, считая события 1989 года подлинно народной революцией, видят в толпах на улицах Лейпцига, Берлина и Праги средство давления на коммунистические институты, которое их в итоге и погубило. “Структуралисты” же не придают толпе большого значения. По их мнению, к октябрю 1989 года коммунистические режимы были и в политическом, и в экономическом отношении мертвы, и даже если на улицы не вышло бы столько людей, они все равно были обречены. А если восточноевропейские правительства были недееспособны и не могли – либо не хотели – сражаться, то героизм манифестантов значит гораздо меньше, чем предполагает большинство исследователей, для которых важнее всего фактор информации. Позировать на фоне мертвого льва, сдохшего от несварения, не так интересно.

Спор о том, кто победил коммунизм в Восточной Европе – диссиденты либо некие обезличенные общественные силы, – возобновился в виде научной дискуссии о том, существовало ли при коммунизме подобие “гражданского общества” (любимое словечко многих фондов и учреждений развития) и сыграло ли оно сколько-нибудь значительную роль как катализатор общественного протеста. Спор о гражданском обществе имеет громадное значение для будущего политики, нацеленной на защиту свободы интернета, – отчасти потому, что этому туманному концепту часто приписывают революционный потенциал, а блогеров почему-то считают авангардом перемен. Но если оказывается, что диссиденты и гражданское общество не сыграли заметной роли в разрушении коммунизма, то и всеобщее ожидание новой волны интернет-революций может быть преувеличенным. А к этому стоит относиться трезво, поскольку слепая вера в могущество гражданского общества, точно так же, как вера в силу инструментов проникновения сквозь брандмауэры, в итоге приводит к вредной политике, к неэффективным действиям.

Стивен Коткин, известный специалист по советской истории из Принстонского университета, утверждает, что миф о гражданском обществе как движущей силе антикоммунистических перемен является большей частью изобретением западных ученых, спонсоров и журналистов: “В 1989 году ‘гражданское общество’ не могло расшатать советский социализм по той простой причине, что гражданского общества в странах Восточной Европы еще не существовало”. У Коткина есть все основания так говорить: в начале 1989 года, по данным органов госбезопасности Чехословакии, в стране насчитывалось не более пяти сотен активных диссидентов, а костяк движения состоял примерно из шестидесяти человек. Даже после начала в Праге акций протеста диссиденты требовали выборов, а не свержения коммунистического правительства. Тони Джадт, признанный знаток восточноевропейской истории, заметил, что под “Хартией-77” Вацлава Гавела подписались около двух тысяч человек, а население Чехословакии составляло тогда 15 миллионов. Диссидентское движение в ГДР не сыграло заметной роли в уличных манифестациях в Лейпциге и Берлине, и едва ли можно сказать, что такие движения существовали в Румынии и Болгарии. В Польше подобие гражданского общества существовало, но в то же время в 1989 году там почти не было заметных

акций протеста. Коткин справедливо заметил, что “точно так же, как ‘буржуазия’ по большей части была продуктом 1789 года, ‘гражданское общество’ стало скорее следствием, чем причиной событий 1989-го”.

Но даже если гражданского общества как такового и не было, люди все же вышли на Вацлавскую площадь в Праге и провели холодные ноябрьские дни, скандируя антиправительственные лозунги под неусыпным надзором полиции. Какую бы роль ни сыграли толпы, они не помешали делу демократии. Если считать, что присутствие толпы имеет значение, то наиболее эффективный способ вывести ее на улицы тоже играет важную роль. Внедрение фотокопировального аппарата, который печатает листовки вдесятеро быстрее прежнего, было настоящим прорывом, как и любые другие перемены, которые помогают людям делиться друг с другом своими инициативами. Если вы узнаете, что двадцать ваших друзей присоединятся к готовящейся акции протеста, то шанс, что вы последуете за ними, увеличивается. Поэтому “Фейсбук” и стал поистине божьим даром для протестных движений. Было бы глупо отрицать, что новые средства коммуникации могут увеличить вероятность и масштабность акций протеста.

Тем не менее восточноевропейские режимы еще не были мертвы и могли остановить любой “информационный каскад”. Похоже, что восточногерманский режим просто не пожелал подавить первую волну протестов в Лейпциге, понимая, что в этом случае обречен на коллективное самоубийство. Кроме того, в 1989 году, в отличие от 1956 или 1968 года, советские лидеры, помнившие жестокость своих предшественников, не считали кровавые репрессии приемлемым способом решения проблем, а восточногерманская верхушка была слишком слаба и нерешительна для того, чтобы начать их самостоятельно. Перри Андерсон, один из самых проникательных исследователей новейшей истории Восточной Европы, заметил, что “ничто в Восточной Европе не могло фундаментально измениться до тех пор, пока советская армия была готова открыть огонь. Все стало возможно тогда, когда фундаментальные перемены начались в самой России”. Утверждать, будто фотокопировальные аппараты вызвали перемены в России и в остальной Восточной Европе, – значит упростить историю настолько, что можно вообще ею не заниматься. Речь, конечно, не о том, что они не сыграли никакой роли, но о том, что нельзя считать их единственной причиной перемен.

Когда радио сильнее танков

Настоящий урок холодной войны заключается в том, что возросшая эффективность информационных технологий по-прежнему ограничена внутренней и внешней политикой существующего режима. Если политика начинает меняться, можно воспользоваться новыми технологиями. Сильное правительство, обладающее волей к жизни, сделает все для того, чтобы лишить интернет способности мобилизовать массы. Поскольку интернет привязан к инфраструктуре, это не так уж трудно осуществить: правительства почти всех авторитарных государств контролируют коммуникационные сети и могут отключить их при первых же признаках общественного протеста. Китайские власти, обеспокоившись в 2009 году растущим недовольством населения Синьцзян-Уйгурского автономного округа, попросту отключили все интернет-коммуникации в этом регионе на десять месяцев. В менее угрожающей ситуации хватило бы и нескольких недель. Разумеется, информационный блэкаут может привести к значительным экономическим потерям, однако между блэкаутом и мятежом чаще выбирают первое.

Протестующие постоянно бросают вызов даже самым сильным авторитарным правительствам. И наивно думать, будто авторитарные правительства воздержатся от крутых мер из-за боязни быть обвиненными в жестокости, даже если каждый их шаг будет заснят на камеру. Скорее всего, они просто научатся жить с этими обвинениями. Советский Союз, не колеблясь, послал танки в Венгрию в 1956 году и в Чехословакию – в 1968. Китайцы вывели на площадь Тяньаньмэнь солдат, невзирая на существование сети факс-машин, с помощью которых оппозиционеры передавали информацию на Запад. Присутствие иностранных журналистов в Мьянме не удержало хунту от разгона марша буддийских монахов. Во время тегеранских событий 2009 года правительство, которому было известно, что у многих демонстрантов с собой мобильные телефоны, все же разместило на крышах снайперов и приказало стрелять. (Возможно, один из них убил двадцатисемилетнюю Неду Ага-Солтан. Девушка, чья смерть запечатлена на видео, стала героиней “Зеленого движения”. Одна из иранских фабрик даже выпускает ее статуэтки.) Мало оснований считать, что лидеры (по крайней мере те, кому не светит Нобелевская премия мира) воздержатся от насилия только потому, что о нем станет всем известно.

Еще важнее то, что правительства тоже могут извлекать выгоду из децентрализации информационных потоков и дезинформировать население в вопросе о том, насколько в действительности популярно протестное движение. Предположение, что децентрализация и размножение цифровой информации облегчат понимание происходящего на улицах для тех, кто смотрит на это со стороны, беспочвенно: история свидетельствует, что СМИ могут легко ввести в заблуждение. В Венгрии многие хорошо помнят безответственные заявления “Радио Свобода” накануне советского вторжения 1956 года о том, что американская военная помощь уже близка (а это было не так). В некоторых передачах рассказывали даже, как справиться с танками, и убеждали венгров сопротивляться оккупантам. Эти передачи стали причиной (по крайней мере, отчасти) гибели трех тысяч человек. Подобная дезинформация, намеренная или случайная, вбрасывается и в эпоху “Твиттера”. Примером может служить попытка распространения постановочного видео, демонстрирующего сожжение после иранских волнений портрета аятоллы Хомейни.

Не стоит считать, что децентрализация коммуникаций неизменно полезна, особенно если целью является максимально быстрое оповещение максимального количества людей. Восточногерманский диссидент Райнер Мюллер в 2009 году в интервью “Глоуб энд мэйл” рассказывал о том, что в конце 80-х годов внимание нации не было рассеяно: “Люди не смотрели двести телеканалов, десять тысяч веб-сайтов и не получали электронные письма

от тысяч людей. Можно было передать что-либо западному ТВ или радио и быть уверенным, что полстраны это узнает”. Не многие оппозиционные движения могут похвастаться столь же широкой аудиторией в эпоху “Ю-Тьюба”, особенно если им приходится состязаться с кошками, умеющими обращаться со сливным бачком.

Хотя окончательная история холодной войны еще не написана, не стоит недооценивать беспрецедентность ее финала. Слишком многое оказалось против советской системы. Горбачев посылал коммунистическим лидерам Восточной Европы сигналы, предостерегая их от жестких действий и давая понять, что Кремль не станет помогать в подавлении восстаний. Экономика ряда восточноевропейских стран находилась на грани банкротства, и перспективы их были безрадостными даже без народных выступлений. Полиция ГДР могла с легкостью расправиться с демонстрантами в Лейпциге, но ее начальники ничего не предприняли. Наконец, незначительные технические поправки к избирательному законодательству могли привести к тому, что “Солидарность” не смогла бы сформировать правительство и польский пример не вдохновил бы демократические движения региона.

Здесь кроется парадокс. С одной стороны, структурное состояние государств Восточного блока в 1989 году было настолько плачевным, что гибель коммунизма казалась неизбежной. С другой – у сторонников жесткой линии в коммунистических правительствах было настолько широкое пространство для маневра, что абсолютно ничто не гарантировало бескровное окончание холодной войны. Очень многое могло пойти не так, и то, что советский блок (за исключением Румынии) распался мирно, похоже на чудо. Надо иметь довольно странные представления об истории, чтобы на основании этого нетипичного примера сделать далеко идущий вывод о роли техники в поражении Советов, а двадцать лет спустя пытаться применить его к абсолютно иной ситуации вроде китайской или иранской. Западные политики должны избавиться от иллюзии, что коммунизм пал под давлением информации или что его конец неминуемо должен был быть мирным, поскольку за этим следил весь мир. Крах коммунизма стал результатом более длительного процесса, а народные протесты были только самым заметным (но не обязательно важнейшим) его компонентом. Техника, вероятно, сыграла в этом некоторую роль, однако произошло все только благодаря определенным историческим обстоятельствам, а не из-за ее имманентных свойств. Эти обстоятельства были характерны для советского коммунистического режима и могут больше не повториться.

Западные политики не смогут изменить современные Россию, Китай или Иран методами конца 80-х годов. Само по себе разрушение информационной дамбы не смоет современные авторитарные режимы, отчасти потому, что они научились существовать в среде, изобилующей информацией. И, вопреки ожиданиям Запада, информация определенного рода только укрепляет их.

Глава 3

Оруэлл и “ржачные котики”

“Сиськи-шоу” – многообещающее название для еженедельного шоу. Идея передачи, выходящей на канале *Russia.ru* (это новаторский эксперимент в сфере интернет-телевидения, поддержанный кремлевскими идеологами) довольно проста. Похотливый полноватый молодой человек курсирует по клубам Москвы в поисках совершенной женской груди. Поскольку ночная жизнь Москвы крайне насыщена, авторам программы всегда есть к кому пристать.

“Сиськи-шоу” – одно из более чем двадцати еженедельных и ежедневных программ, которые производит редакция *Russia.ru* для удовлетворения причудливых вкусов российских интернет-пользователей. Производит вполне качественно: большинство сотрудников редакции интернет-канала – перебежчики с профессионального ТВ. Некоторые программы посвящены политике (среди них даже несколько интервью с президентом Дмитрием Медведевым), однако большинство их все же легкомысленны. Одна из передач рубрики “Что читать?” была посвящена обзору лучших книг об алкоголе, продающихся в книжных магазинах Москвы.

У читателя западных газет может сложиться впечатление, что лучшего орудия, чем интернет, для нападков на правительство или даже его свержения в России нет. Тем не менее, хотя гражданская активность (например, сбор денег для больных детей и кампания против коррупции в правоохранительных органах) в Рунете на виду, там доминируют развлекательные ресурсы и социальные медиа (в этом отношении Россия мало чем отличается от США и стран Западной Европы). Наиболее популярные запросы в интернет-поисковиках – не “что такое демократия” и “защита прав человека”, а “что такое любовь” и “как похудеть”.

Редакция *Russia.ru* не скрывает связей с Кремлем. Высшие функционеры прокремлевских молодежных движений даже ведут на канале собственные ток-шоу. Необходимость в таком сайте возникла из-за озабоченности Кремля тем, что переход полностью подконтрольного традиционного ТВ к вольному интернету может уменьшить возможности власти определять повестку дня и общественную реакцию на новости. Поэтому Кремль прямо или косвенно поддерживает ряд сайтов, посвященных политике. Они охотно обличают оппозицию и одобряют любую инициативу правительства, однако постепенно отказываются от политики в пользу развлечений. С точки зрения российского правительства, лучше вообще избавить молодежь от политики: пусть смотрят смешное видео на сайте “Ру-Тьюб” (российском аналоге “Ю-Тьюба”, которым владеет “Газпром”) или на канале *Russia.ru* (там они изредка получают и идеологические сигналы). Многих россиян это вполне устраивает, не в последнюю очередь из-за высокого качества онлайн-развлечений. Российские власти имеют к этому некоторое отношение: самая действенная система контроля над интернетом – не та, которая предполагает самую пронизательную и жесткую цензуру, а та, при которой цензура вообще не нужна.

Растущая кремлевская империя интернет-увеселений может объяснить, почему в России редка традиционная цензура. Кремль не перекрывает доступ к сайтам оппонентов, если это не террористы и не растлители малолетних, и все же политическая активность в интернете на удивление низка. Открытие *Russia.ru* с высокопрофессиональной командой и гибким бюджетом представляет собой одну из множества попыток контролировать Сеть. В этом власти полагаются скорее на развлечения, чем на политику. Получится ли с помощью дешевых онлайн-развлечений погасить вероятный интерес российской молодежи к политике и предотвратить ее радикализацию? Когда-то западные благодетели ошиблись, полагая, что

советские служащие втайне печатают на своих компьютерах самиздат, а не играют в “Тетрис”. Что, если интернет несет вместо освобождения деполитизацию и де-демократизацию? Может быть, Запад и сейчас напрасно питает надежды на то, что россияне обсуждают в блогах права человека и сталинские злодеяния, вместо того чтобы раскручивать чат-рулетку, — этот странный дар России интернету?

Как кабельное ТВ вредит демократии

Особое внимание, уделяемое Западом радиовещанию времен холодной войны, уводит нас от понимания той сложной роли, которую играет информация в авторитарных обществах. Есть две гипотезы, объясняющие, как западные СМИ смогли демократизировать Советы. Согласно первой (“освобождение через факты”), западные медиа продемонстрировали людям с промытыми мозгами, что их правители вовсе не так безгрешны, какими хотят казаться, и заставили их задуматься о политике. Вторая (“освобождение через гаджеты”) предполагает, что западные медиа, транслируя образы процветания, породили консюмеристское беспокойство. Рассказы о скоростных автомобилях, фантастической кухонной утвари и пригородном рае заставили граждан авторитарных государств задуматься о переменах и заняться политикой.

Заинтересовать людей политикой, в отличие от материального благосостояния, было труднее (по крайней мере тех из них, кто прежде политикой не интересовался). Для этого западное радио передавало развлекательные программы и передачи об образе жизни. Одним из хитов “Радио Свободная Европа” был “Радиодоктор”. В программе сообщали о достижениях западной медицины и отвечали на вопросы слушателей, заодно указывая на несовершенство советской системы. Кроме того, в эфир нередко давали запрещенную музыку (опрос, проведенный в 1985 году среди белорусской молодежи, выявил, что 75 % респондентов слушали иностранные радиопередачи – в основном ради музыки, которую нигде иначе услышать было нельзя). Так Запад мог извлечь выгоду из культурной ригидности коммунизма, приманивая слушателей развлечениями и подспудно скармливая им политические идеи. (Не все считали такую стратегию действенной. В 1953 году Уолтер Липман, один из отцов современной пропаганды, писал в язвительной колонке: “Создать отлаженный аппарат международной коммуникации, а после заявить: Мы здесь, на ‘Голосе Америки’, занимаемся пропагандой и добиваемся того, чтобы понравиться вам сильнее наших врагов! – никакая не пропаганда, а вздор. А как способ привить вкус к американскому образу жизни это ничем не отличается от того, чтобы перед ужином попотчевать гостей касторкой вместо коктейля”.) “Политизация” и участие в оппозиционной политической деятельности оказались, таким образом, побочными продуктами жажды развлечений, которую Запад умел утолить. Может, это и не привело к формированию гражданского общества, но сделало более привлекательными идеи, с которыми ассоциировались демократические революции 1989 года.

Роли медиа в передаче политических знаний в демократических и авторитарных государствах поразительно схожи. До распространения на Западе кабельного ТВ политическая информация, особенно новостная, попадала к потребителю случайно даже в демократических странах. Маркус Прайор, исследователь политических коммуникаций из Принстона, утверждает, что большинство американцев узнавали политические новости не потому, что хотели их смотреть, а потому, что больше смотреть было нечего. В итоге люди были лучше информированы о политике, были более склонны к участию в политической деятельности и менее предвзяты. Появление кабельного телевидения, однако, дало людям возможность выбирать между потреблением политических новостей и чем-либо еще. Большинство предсказуемо выбрало “что-либо еще”, то есть в основном развлечения. Меньшинство сохранило интерес к политике и, благодаря развитию специализированных медиа, получило больше возможностей, чем когда-либо могло мечтать. Остальное население в игре попросту не участвует.

Выводы Прайора могут пролить свет на вопрос, почему интернет не способствует повышению политической грамотности и политизации тех, кто пока не решился выразить свое недовольство правительством, в той степени, в какой некоторые из нас желают. Стрем-

ление к развлечениям просто перевешивает стремление к политическим знаниям, а “Ю-Тьюб” в состоянии удовлетворить даже самых требовательных любителей развлечений. Просмотр аналога “Сиськи-шоу” в 70-х годах сопровождался политической рекламой длиной по меньшей мере в пять секунд (даже если это был просто джингл “Радио Свобода”). В наши дни можно избежать и этого.

“Денверский клан” берет Восточный Берлин

Если бы политики перестали фокусироваться на виртуальных стенах и информационных занавесах (как будто это все, чему их научила холодная война), они смогли бы узнать кое-что о развлечениях. Германская Демократическая Республика представляла собой занятый пример коммунистического режима, который практически все время своего существования принимал западное вещание. Было бы естественно ожидать, что население ГДР окажется более политически информированным и что в стране будут бодрая оппозиция, гражданское общество и процветающий самиздат. Подобные ожидания вполне согласовались бы с представлением о роли информации во время холодной войны. Сделать вывод о том, что от медиа ждали исключительно политики, было очень легко, поскольку исследователи опирались на два узких источника: рассказы недавних эмигрантов и восторженные письма аудитории клонов “Радио Свободная Европа”. Судя по этим источникам, официальная интерпретация событий в государственных СМИ вызвала апатию и разочарование и вынуждала их искать утешения в западных радиопередачах. Тем не менее ни одна из этих групп не была беспристрастной, и поэтому выводы исследователей вновь и вновь ставились под сомнение. Думать, будто авторы писем в редакцию “Радио Свободная Европа” составляли представительную выборку из всего населения – примерно то же самое, что прогуляться в бар за пару кварталов от Конгресса, поговорить там с несколькими сотрудниками парламентского аппарата, зачарованно смотрящими “Си-Спэн”⁷, а после объявить, что большинство американцев великолепно информированы о подоплеке внутренней политики своей страны. (Надо сказать, что не все исследователи, прибегавшие к подобному “сыску”, были дилетантами. Чтобы узнать о действительных взглядах людей, с которыми они беседовали и чьи письма читали, они обращали особое внимание на фрейдистские оговорки.)

Со временем появился гораздо лучший, эмпирический способ проверить западные предположения о роли СМИ в авторитарных государствах. Это была настоящая удача. География Восточной Германии затрудняла блокирование западного сигнала на большей части ее территории, и только шестая часть населения ГДР, сконцентрированная в основном в районах, лежащих далеко от западной границы, не могла принимать телесигнал из ФРГ (эти районы сами немцы прозвали Долиной невежд (*Tal Der Ahnungslosen*). В 1961 году, когда была возведена Берлинская стена, Союз свободной немецкой молодежи (главная молодежная организация ГДР) начал посылать своих активистов на поиски телеантенн, нацеленных на Запад, чтобы снимать их или перенаправлять на восточногерманские вышки. Народный гнев, однако, привел к тому, что рейды прекратились. К 1973 году лидер ГДР Эрих Хонеккер, знавший о популярности в стране западногерманского телевидения, махнул на это рукой, разрешив своим согражданам (всем, кроме военных, полицейских и учителей) смотреть все, что им хочется, – при условии, что они критически относятся к информации западных СМИ. Одновременно Хонеккер поставил перед телевидением ГДР задачу “избавиться от скуки” и “учесть зрительский спрос на хорошие развлекательные программы”. Таким образом, в течение ряда лет большинство жителей ГДР находилось в довольно странной ситуации. Теоретически они могли сравнить, как два германских государства, демократическое и коммунистическое, интерпретируют одни и те же события. Если выводы исследователей, изучавших письма, отправленные в редакцию “Радио Свободная Европа”, были бы справедливы, то можно было бы ожидать, что жители ГДР буквально прилипают к экранам во время новост-

⁷ Си-Спэн (C-SPAN, Cable-Satellite Public Affairs Network) – некоммерческая телесеть, транслирующая в основном заседания американских органов представительной власти. – Прим. перев.

ных выпусков с демократического Запада, стремясь узнать о злодеяниях режима, а также ищут подпольные антиправительственные ячейки, чтобы присоединиться к ним.

Трудно сказать, действительно ли восточные немцы столь критично относились к СМИ, как теперь предпочитают думать западные исследователи. Кажется, западное телевидение лишь убаюкивало граждан ГДР. Это признавала и правящая элита страны. Когда центральные власти настояли на демонтаже спутниковой тарелки, незаконно установленной жителями городка Вайссенберг, местные партийные чиновники и бургомистр поспешили заявить, что со времени установки антенны местные жители стали “гораздо спокойнее”, их отношение к режиму стало более “позитивным”, а все прошения о выдаче эмиграционных виз были отозваны. С начала 80-х годов правительство перестало обращать внимание на антенны.

Восточные немцы не особенно интересовались вестями из НАТО, предпочитая им ненавязчивые новости и развлекательные передачи, особенно американские (“Даллас”, “Полиция Майами: отдел нравов”, “Бонанза”, “Улица Сезам” и “Улицы Сан-Франциско”). Даже журнал Социалистической единой партии Германии “Айнхайт” признавал, что очень многие смотрят сериал “Династия” (известный в Германии под названием “Денверский клан”). Американец Пол Глейе, фулбрайтовский стипендиат, в 1988–1989 годах преподавал в ГДР. Глейе вспоминал, что когда он раскрывал карту США, чтобы рассказать немцам о родине, “первой просьбой часто было ‘показать, где Даллас и Денвер’”. А студентам, казалось, “было интереснее слушать об Университете Монтаны, когда я сообщал, что он находится в 850 километрах к северо-западу от Денвера, чем когда я рассказывал, что он лежит в живописной долине в Скалистых горах”.

Долгое время спустя после падения Берлинской стены немецкие исследователи Михель Мейен и Уте Навратил опросили сотни бывших восточногерманских граждан. Оказалось, что многие из них даже не верили тому, что слышали в западных новостях. Они считали изображение жизни в ГДР намеренно искаженным и сильно идеологизированным; пропаганда собственного правительства заставила их ждать того же от западных. (По иронии, в своем недоверии к западному аппарату пропаганды они показали себя более хомскианцами, чем сам Хомский.) Кроме того, когда в рамках специального исследования жителям Восточной Германии задали вопрос, как те желали бы изменить телевизионное программирование в собственной стране, они высказались за увеличение количества развлекательных передач и уменьшение количества политических. Так чиновники, ответственные за пропаганду в ГДР, узнали, что лучший способ вынудить сограждан хотя бы иногда смотреть идеологически выдержанные программы по телевидению ГДР – это пускать их в эфир тогда, когда западногерманское ТВ показывало выпуски новостей и аналитические передачи. Их восточные немцы считали менее интересными.

Опиум для народа: сделано в ГДР

Бесперебойная поставка развлечений с Запада сделала значительную долю населения ГДР непригодной для политической активности, и это не ускользнуло от внимания немецких диссидентов. Кристофер Хайн, известный восточногерманский писатель и диссидент, в 1990 году заявил в интервью:

[Наша задача в ГДР осложнялась тем, что] все как один могли ежедневно в восемь вечера покинуть страну и отправиться на Запад – посредством телевидения. Это ослабляло давление. В этом состояло наше отличие от Польши, Чехословакии и СССР. Там давление не снижалось, что вызывало противодействие... Вот почему я всегда завидовал русским и полякам... Вообще же полезное соседство Федеративной Республики [Германия] не было полезным для нашего развития... У нас не было самиздата, поскольку был доступ к издательствам Западной Германии.

Исследование архивов подтвердило правоту Хайна. Восточно-германские власти, пекущиеся о самосохранении, прилагали много усилий для того, чтобы уловить настроения молодежи. Для этого они регулярно заказывали исследования, большинство которых проводила организация с жутковатым названием Центральный институт исследований молодежи (основан в 1966 году). В 1966–1990 годах сотрудники института провели несколько сотен опросов старшеклассников и студентов вузов, молодых рабочих и т. д. Руководство института не было вправе ни исследовать другие демографические группы, ни публиковать результаты своих исследований. (Эти материалы, ставшие доступными после воссоединения Германии – настоящий кладезь информации для ученых, изучающих жизнь в ГДР.) Респондентов спрашивали, например, согласны ли они с утверждениями “Я придерживаюсь марксистско-ленинского мировоззрения” или “Я люблю Восточную Германию”.

Хольгер Луц Керн и Йенс Хайнмюллер – немецкие ученые, преподающие в Соединенных Штатах, – изучили эти данные, чтобы понять, как удовлетворенность граждан ГДР своей жизнью и поддержка ими режима соотносились с доступностью западного вещания. Они опубликовали результаты в статье с провокационным названием: “Опиум для народа: о роли иностранных медиа в стабилизации авторитарных режимов”. Керн и Хайнмюллер обнаружили, что восточногерманская молодежь, которая могла смотреть передачи западного телевидения, в целом была более довольна жизнью и режимом. А молодые люди, жившие в Долине невежд, были в большей степени политизированы, критически настроены по отношению к режиму и – самое интересное – склонны к обращению за выездными визами. По словам Керна и Хайнмюллера, “неожиданно для марксистов капиталистическое телевидение, похоже, выполняло в коммунистической Восточной Германии ту же роль, которую Маркс приписал религии в капиталистическом обществе, объявив ее ‘опиумом народа’”.

Керн и Хайнмюллер сочли это эскапизмом: “Западногерманское телевидение помогало восточным немцам ежевечернее сбегать от коммунизма по меньшей мере на пару часов, что делало их жизнь более терпимой, а восточногерманский режим – легче переносимым... Влияние западногерманского телевидения привело к тому, что поддержка режима со стороны населения выросла”. Как бы то ни было, доступ к превосходным западным развлечениям (у ГДР ушло много лет на то, чтобы научиться снимать качественные развлекательные программы, которые могли бы составить конкуренцию зарубежным) деполитизировал широкие слои населения Восточной Германии, несмотря на то, что правительство не мешало людям узнавать из западных новостей о несправедливости восточного режима. Западное телевидение делало жизнь в Восточной Германии легче и одновременно осложняло борьбу дисси-

дентского движения. Протест начал созревать именно в Долине невежд: ее обитатели были гораздо менее довольны жизнью, чем немцы, находившие убежище в увлекательном мире “Династии”.

Если судить по этим исследованиям, молодежь особенно склонна к эскапизму, к тому же мы почти не располагаем данными о предпочтениях взрослых жителей ГДР. Возможно, здесь теория об “освобождении через гаджеты” имеет некоторые основания. Взрослые, разочарованные тем, что “социализм с человеческим лицом” так и не наступил, вероятно, были сильнее подвержены фрустрации и оттого легче обращались к политике под влиянием манящих картинок западного капитализма. Пол Беттс, английский ученый, изучавший восточногерманскую культуру потребления, отмечал, что “явления, якобы преодоленные государством во имя великого социалистического эксперимента (субъективные пристрастия, личный комфорт, товарный фетишизм, иррациональное потребительское поведение), неожиданно обернулись его могильщиками. По иронии, люди отнеслись к мечтам о лучшем мире, мире изобилия, серьезнее, чем показалось государству, так что государство поплатилось за свою недобросовестную рекламу”. Популярная шутка того времени гласила: “Марксизм работает, если речь идет не о машинах”. (Кажется, китайцы усвоили восточногерманский урок. В 2010 году они купили у “Форда” марку “Вольво”).

Опыт ГДР показывает, что в авторитарном обществе СМИ могут играть гораздо более сложную и противоречивую роль, чем вначале полагали на Западе. Вначале исследователи сильно недооценивали жажду развлечений, а информационному голоду (особенно если речь идет о политической информации), напротив, отводили слишком важную роль. Каким бы ни было давление извне, большинство в итоге сумеет приспособиться даже к самой жесткой политической ситуации посредством телевидения, искусства или секса.

Тот факт, что СМИ великолепно справились с освещением падения Берлинской стены, заставил многих поверить в то, что они играли такую же полезную роль в течение всей холодной войны. Однако это – утопия: какую бы роль ни играли СМИ в кризисных ситуациях, не следует ее абсолютизировать, поскольку их обычные функции совершенно иные и нацелены скорее на развлечения (уже потому, что они лучше продаются). Приведем пример: хотя многие высоко оценили роль “Твиттера” в освещении манифестаций в Иране и содействии им, смерть Майкла Джексона, последовавшая 25 июня 2009 года, быстро вытеснила политику из перечня наиболее популярных тем обсуждения на сайте.

“Аватар” в Гаване

Западные медиа, охотнее уделяющие внимание потребительской стороне капитализма, чем самиздату, дали своей страждущей восточноевропейской аудитории довольно ограниченное представление о том, что такое демократия и какие обязательства граждан перед обществом и какие институты она подразумевает. Эразим Когак, чехословацко-американский философ, семья которого эмигрировала в 1948 году в США, вспоминал в 1992 году: “Печальная правда заключается в том, что американская мечта, как ее представляют себе бывшие подданные советской империи, почти не имеет отношения к свободе и правосудию для всех, зато имеет прямое отношение к мыльным операм и каталогам ‘Сирс’... Эта мечта характеризуется главным образом безответственностью, нереальностью и моментально вознаграждаемой алчностью”. Когак знал, чего на самом деле желали массы в Восточной Европе: изобилия, “заманчивого достатка, который маячил по ту сторону границы, в [Западной] Германии и Австрии... беззаботности, свободы от ответственности”, а не абстрактной демократии на джефферсоновский манер. Когак указывал на то, что население Восточной Европы, в начале 90-х годов пришедшее к достатку, обошлось без серьезных раздумий о том, что такое демократия. “Когда популярный чешский карикатурист [Владимир] Ренчин захотел изобразить свое видение плодов свободы, – писал Когак, – он нарисовал человека на диване, окруженного игрушками и трофеями: автомобиль, телевизор с видеомagneтофоном, ПК, портативный бар, газовый гриль. Ни тени иронии в этом не было. Все это и означало свободу”.

Современные Россия и Китай – не то же самое, что ГДР или Чехословакия в конце 80-х годов. За исключением КНДР, Туркменистана и, может быть, Мьянмы, современные авторитарные государства приемлют консюмеризм. И он, похоже, только укрепил их. Поп-культура, особенно лишенная стремления к некоему идеалу, даже самых недовольных избавляет от интереса к политике. Хотя торжествующие чехи признали драматурга и интеллектуала Вацлава Гавела своим лидером, они не смогли противостоять потребительскому торнадо (по иронии, эссе “Сила бессильных”, самая известная инвектива Гавела против тоталитарной системы, была направлена против недалекости директора советского магазина). Гавелу стоило прислушаться к поистине драгоценному совету Филипа Рота, который тот дал чешским интеллектуалам в 1990 году в “Нью-Йорк ревю оф букс”. Рот предсказал, что скоро культ интеллектуалов-диссидентов сменится другим культом, гораздо более могущественным.

Могу гарантировать, что непокорные толпы никогда не соберутся на Вацлавской площади, чтобы свергнуть его тиранию, и никогда разгневанные массы не выдвинут ни одного драматурга-интеллектуала для спасения души народа от той бессмысленности, до которой этот враг доводит почти любое рассуждение. Я говорю об опошлителе всего и вся – о коммерческом телевидении: не о горстке скучных одинаковых телеканалов, которые никто не хочет смотреть, потому что их контролирует скудоумный государственный цензор, а о паре десятков скучных одинаковых каналов, которые безостановочно смотрят почти все, потому что это *развлекает*.

Филип Рот не мог предугадать успех “Ю-Тьюба”, который оказался еще развлекательнее кабельного ТВ. (Кажется, Роту незнакомы большинство удовольствий, которые предлагает Сеть: в интервью 2009 года газете “Уолл-стрит джорнал” он признался, что пользуется интернетом только чтобы купить книги и овощи.)

Автор лондонской “Таймс” обрисовал ситуацию так: некоторые посткоммунистические страны “избавились от тисков диктаторов, чтобы вместо этого отдаться во власть ‘Луи

Виттона””. Из-за отсутствия высоких идеалов и непоколебимых истин стало почти невозможно пробудить политическую сознательность – даже для борьбы с авторитаризмом. Да и как это сделать, если окружающие озабочены покупкой “плазмы” (китайцы покупают телевизоры с самыми большими в мире экранами, обходя американцев на четыре дюйма), онлайнowymi покупками (компания, связанная с иранским правительством, открыла сетевой супермаркет на той же неделе, когда власти приняли решение запретить в стране *Gmail*) и передвижением по городу с наибольшим количеством “БМВ” на квадратный метр (это, вероятно, Москва)? Даже государственное телевидение Кубы, этот оплот революции, теперь транслирует сериалы “Клан Сопрано”, “Друзья” и “Анатомия страсти”. В начале 2010 года, вскоре после выхода в американский прокат “Аватара”, по кубинскому ТВ показали пиратскую копию. (Коммунистических критиков “Аватар” не впечатлил. “ [Фильм] предсказуемый... плоский... сюжет избитый”, – таким был вердикт “Гранма”, ежедневной официальной газеты Коммунистической партии Кубы. Возможно, им просто не сказали о 3D-очках.) Неудивительно, что менее 2 % жителей Кубы слушают передачи финансируемого правительством США “Радио Марти” – эквивалента “Радио Свобода”. Зачем простым кубинцам рисковать, слушая идеологизированные и достаточно скучные новости о политике, если они могут совершенно открыто следить за злоключениями Тони Сопрано? Молодежь, которую Америка намерена освободить, распространяя информацию, вероятно, знакома с американской поп-культурой лучше многих американцев. Регулярно возникают группы китайских “сетян”, которые создают китайские субтитры к популярным американским фильмам наподобие “Остаться в живых” (которые часто можно найти в пиринговых сетях уже через десять минут после показа в США). Можно ли считать это современным аналогом самиздата? Возможно, но мало что указывает здесь на угрозу стабильности китайского режима. Если перед кем в этом случае и возникает необходимость “остаться в живых”, так это перед гражданами, а не властями. Даже авторитарные правительства усвоили, что лучший способ вытеснить диссидентскую литературу и идеи на периферию состоит не в запретах (это только подогревает интерес), а в том, чтобы позволить “невидимой руке рынка” завалить его детективным чтивом, пособиями по самосовершенствованию и инструкциями, как устроить детей в Гарвард. (Книги наподобие “И вы тоже можете поехать в Гарвард: секреты поступления в знаменитые американские университеты” и “Девушка из Гарварда” стали в Китае бестселлерами.)

Почувствовав, что сопротивление было бы контрпродуктивным, даже правительство Мьянмы нехотя позволило исполнителям хип-хопа выступать на официальных мероприятиях. Режим также учредил футбольную лигу после долгих лет отсутствия крупных матчей и увеличил количество FM-радиостанций, позволив им передавать западную музыку. В Мьянме даже открыли телеканал наподобие *MTV*. В начале 2010 года мьянманский бизнесмен, получивший образование на Западе, заявил “Нью-Йорк таймс”, что “правительство старается отвлечь людей от политики. Хлеба мало, зато зрелищ – много”. Поскольку Мьянма теперь опутана сетью проводов, а хунта поощряет развитие современных технологий (в 2002 году был учрежден аналог Кремниевой долины – Мьянманский информационный и коммуникационный технопарк), правительству больше не о чем беспокоиться. Граждане самостоятельно найдут, чем отвлечься.

Мы наблюдаем сражение не Давида с Голиафом, а – Давида с Дэвидом Леттерманом. Мы думали, что интернет породит поколение “цифровых бунтарей”, а он дал поколение “цифровых невольников”, умеющих с комфортом устроиться в Сети, какой бы ни была политическая реальность. Этих людей онлайнowe увеселения, кажется, привлекают гораздо сильнее, чем доклады о нарушениях прав человека в их собственных странах (в этом они очень похожи на своих ровесников с демократического Запада). Опрос китайской молодежи, проведенный в 2007 году, показал: 80 % респондентов считает, что цифровая техника состав-

ляет существенную часть их жизни (точно так же считает 68 % американцев). Еще любопытнее – 32 % китайцев считает, что благодаря интернету их половая жизнь стала богаче, при этом только 11 % американцев думает так же. Опрос девятистот студенток семнадцати вузов города, проведенный в июне 2010 года исследователями из шанхайского университета Фудань, выявил, что 70 % респондентов не считают аморальной связь на одну ночь. В 2007 году шанхайский врач, руководящий “горячей линией” для беременных подростков, сообщил: 46 % от более чем двадцати тысяч девушек, позвонивших с 2005 года, рассказали, что занимались сексом с юношами, с которыми познакомились в интернете. Начало “гормональной революции” не укрылось от властей КНР, которые пытаются извлечь из этого политическую выгоду. Правительство Китая, в начале 2009 года ополчившееся на порнографию в интернете, вскоре сняло большую часть установленных запретов, осознав, вероятно, что введение цензуры – это верный путь к политизации миллионов китайских пользователей. Майкл Анти, живущий в Пекине эксперт по китайскому сегменту интернета, считает произошедшее стратегическим маневром: “ [Правительство, очевидно, рассудило, что] если у интернет-пользователей есть порнография, они не слишком обращают внимание на политику”.

Крайне наивно полагать, будто политические идеалы, не говоря уже об инакомыслии, возникнут из смеси консюмеризма, развлечений и секса. Хотя соблазнительно думать об интернет-клубах свингеров, возникших в Китае в последние несколько лет, как об альтернативе гражданскому обществу, вполне возможно, что в ситуации, когда главные заветы Мао во многом утратили привлекательность, китайская компартия сумеет приспособиться к изменениям. Под давлением глобализации авторитаризм становится чрезвычайно гибким.

Правительства других стран также начинают понимать, что онлайн-развлечения, особенно вкупе с порнографией, отлично отвлекают людей от политики. Судя по сообщениям государственного информационного агентства Вьетнама, официальный Ханой заигрывает с идеей “веб-сайта, посвященного традиционному сексу”, с видеоматериалами, которые помогут мужчинам и женщинам узнать больше о “здоровом половом акте”. Вьетнамцев это не удивляет: цензура направлена в основном против политических, а не порнографических интернет-ресурсов. Билл Хейтон, бывший корреспондент Би-би-си, свидетельствует, что “вьетнамский файервол позволяет молодежи обильно потреблять порнографию, но не доклады ‘Международной амнистии’”. По мере того как порнография распространяется в Сети, необходимость в политических запретах может отпасть.

Пока Запад не прекратит наделять жителей авторитарных государств героическими чертами, он рискует пасть жертвой иллюзии, что если создать достаточно орудий для того, чтобы сломать барьеры, воздвигнутые правительствами авторитарных стран, их граждане неизбежно превратятся в клонов Андрея Сахарова и Вацлава Гавела и восстанут против репрессивного режима. Этот сценарий в высшей степени сомнителен. Скорее всего, эти люди, попав в интернет, первым делом отправятся за порнографией, и неясно, вернутся ли они к политическому контенту. В 2007 году состоялся эксперимент с участием “добрых самаритян” с Запада, посредством технологии “Псифон” (*Psiphon*) одолживших свои широкополосные каналы незнакомым беженцам из стран, в которых доступ в Сеть контролируется государством. Экспериментаторы надеялись, что, почувствовав вкус свободного интернета, последние поспешат узнать правду о том, что творится в их странах. Результат разочаровал. По данным “Форбс”, пользователей, избавившихся от государственной опеки, интересовали “фото обнаженной Гвен Стефани и Бритни Спирс без трусов”. Конечно, свобода искать в Сети какую бы то ни было информацию заслуживает защиты сама по себе. Однако важно помнить – хотя бы политикам, – что эта свобода, вопреки ожиданиям Запада, не обязательно приводит к демократической революции.

Недовольство в Сети и довольные интеллектуалы

В предупреждении Филипа Рота, адресованном в 1990 году чехам и словакам, содержалось еще одно проницательное наблюдение: высоко ценимые публичные интеллектуалы, которые помогли принести народу демократию, вскоре потеряют власть над массами и уважение, которыми пользовались при коммунистах. Интерес к диссидентам-интеллектуалам неизбежно должен был угаснуть после того, как интернет распахнул врата в мир развлечений, а глобализация открыла дорогу к консюмеризму. В современной России немыслимо появление фигуры, подобной Андрею Сахарову. Но даже если такой человек появится, он, вероятно, будет пользоваться меньшим влиянием на национальный дискурс, чем Артемий Лебедев, который еженедельно устраивает в своем блоге фотоконкурс для женщин с красивой грудью. Тема “сисек” среди российских блогеров гораздо популярнее демократических реформ.

Нельзя сказать, что в происходящем нет вины самих интеллектуалов. Когда коммунизм сменился демократией, многие из них были горько разочарованы популистской, ксенофобской и вульгарной политикой, которую предпочли массы. Несмотря на широко распространенное мнение, будто советские диссиденты были все как один поклонниками американской модели, многие из них (даже, до некоторой степени, Сахаров) испытывали в высшей степени противоречивые чувства, когда речь шла о том, чтобы передать бразды правления народу. Некоторые из них скорее предпочли бы усовершенствованный коммунизм. Но триумф либеральной демократии, приведший к разгулу консюмеризма, отправил многих интеллектуалов во вторую (возможно, менее связанную с репрессиями) внутреннюю эмиграцию, на сей раз соединенную с оскорбительной безвестностью.

Для того чтобы пробудить умы сограждан от нынешней развлекательной спячки, понадобится новое поколение интеллектуалов, причем необычайно изобретательных. Выясняется, что спрос на интеллектуалов не так уж высок, если многие социальные и культурные запросы могут быть удовлетворены тем же путем, что и на Западе: с помощью айпада. (А в Китае знают, как сделать его вдвое дешевле!) Белорусская писательница Светлана Алексиевич считает, что игра окончена, по крайней мере, в том, что касается больших идей: “Дело не в том, что у нас таких людей нет, а в том, что они не востребованы обществом”. Неудивительно, что правительство Беларуси не против такого положения вещей. Во время своей прошлой поездки в Беларусь я узнал, что некоторые провайдеры хранят на своих серверах контрафактные кинофильмы и музыку, которые доступны для их клиентов бесплатно, а правительство, которое с легкостью может это пресечь, смотрит на происходящее сквозь пальцы и даже, вероятно, поощряет эту практику.

Консюмеризм – не единственная причина усиливающегося разъединения масс и интеллектуалов в авторитарных государствах. Интернет стал для интеллектуалов настоящей сокровищницей: он позволил им связываться с западными коллегами и следить за ходом мировых дискуссий (а не только узнавать об их результатах из провезенных тайно через границу желтоватых ксерокопий). Однако эффективность и комфорт, которые обеспечивает интернет, не лучшие условия для пробуждения инакомыслия среди образованных людей. Настоящая причина, по которой так много советских ученых и преподавателей стали диссидентами, кроется в том, что власти не позволяли им заниматься наукой так, как они считали правильным. Проводить исследования в области общественных наук было довольно трудно, даже если бы не нужно было следить за тем, чтобы не отклоняться от партийной линии; со многими сложностями было сопряжено и сотрудничество с иностранцами. Отсутствие условий для работы заставило многих ученых и интеллектуалов эмигрировать или, оставаясь на родине, стать диссидентами.

Интернет полностью или частично решил многие проблемы этого рода. Он прекрасно подошел для исследовательских целей, однако оказался не слишком подходящим для вовлечения в диссидентское движение умных, высокообразованных людей. Совместная работа сейчас не требует больших хлопот и затрат. Ученые получили доступ к большому количеству статей, чем они могли мечтать. Ограничения на выезд отменены, а исследовательские бюджеты заметно увеличились. Ожидается, что к 2020 году китайские ученые будут публиковать больше статей, чем американские, и это неудивительно. Но важнее всего то, что, способствуя интеграции ученых и интеллектуалов из авторитарных государств в глобальную интеллектуальную сферу (теперь и они могут следить за дискуссиями на страницах “Нью-Йорк ревю оф букс”), интернет привел к утрате связей этих интеллектуалов со своим, местным сообществом. Российские либеральные интеллектуалы собирают большую аудиторию в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине, чем в Москве, Новосибирске или Владивостоке, где они мало кому известны. Неудивительно, что эти люди знают гораздо больше о том, что происходит в Гринвич-виллидж, чем в собственном муниципалитете. Их связь с национальной политикой своих стран нарушена. Парадокс заключается в том, что эти люди, получив широкие возможности для выражения недовольства происходящим, отошли от политики.

Увы, ни один из крупных российских писателей, довольно активных в интернете, не удосужился хотя бы упомянуть в блоге о результате президентских выборов 2008 года в России. Элен Раттен из Кембриджского университета первой заметила почти полное отсутствие реакции на это важное политическое событие: “Никто из [ведущих блог] писателей... не включил компьютер и не отреагировал на новости, которые должны были охватить все интеллектуальное сообщество”. Вместо этого столпы современной русской литературы решили посвятить свои первые после выборов записи: а) обсуждению недавней интернет-конференции, б) размещению театральной рецензии, в) описанию гигантского пирога с “вишенками и персиками”, виденного не так давно на книжной ярмарке, г) рассуждению об Уолте Уитмене, д) рассказу о человеке с двумя мозгами (остается надеяться, что хоть это явилось аллегорией странного альянса Медведева и Путина). Евгений Евтушенко совсем не это имел в виду, когда заявлял, что поэт в России – больше, чем поэт.

Это едва ли подходящие условия для борьбы с авторитарной химерой. Все потенциальные революционеры, кажется, пребывают в приятной интеллектуальной ссылке где-то в Калифорнии. Массы перенесли в Голливуд с помощью файлообменника *BitTorrent*, а элиты курсируют между Пало-Альто и Лонг-Бич посредством лекций *TED*. Кто же тогда поведет за собой “цифровых революционеров”? “Ржачные котики”?

Очевидно, что интернет затрудняет, а не поощряет стремление людей к беспокойной жизни – уже потому, что имеющиеся альтернативы политическим действиям гораздо приятнее и безопаснее. Однако это не значит, что Западу следует прекратить отстаивать беспрепятственный (читай: неподцензурный) доступ к интернету. Скорее, нужно найти способ заменить нынешнее стремление сделать интернет свободнее комплексом мер, которые смогут вовлечь людей в политическую и социальную деятельность. Нам следует иметь дело и с любителями видео с котиками, и с читателями антропологических блогов. Иначе мы рискуем однажды столкнуться с целой армией людей, которые свободно пользуются интернетом, но лишь затем, чтобы найти любовника, посмотреть порнушку и узнать свежие сплетни о знаменитостях.

Информационный потоп сам по себе не способствует демократизации, поскольку может разорвать некоторое количество малозаметных, но важных связей, способствующих развитию критического мышления. Только теперь, когда даже демократические общества сталкиваются с бесконечным наплывом контента, мы понимаем, что демократия – это гораздо более сложное, хрупкое и капризное создание, чем мы думали, и что некоторые условия, сделавшие ее возможной, присущи лишь эпохе, когда информации не хватало.

Между Оруэллом и Хаксли

Восточногерманский опыт показал, что многим западным наблюдателям нравится наделять людей, живущих в авторитарных государствах, сверхкачествами, которыми те в действительности не обладают. Вообразить, будто эти бедолаги неустанно борются с всевидящим КГБ вместо того, чтобы зависать, скажем, на “Ю-Тьюбе” или играть в “Тетрис”, – быть может, единственный способ для западных наблюдателей не впасть в отчаяние от собственного бессилия. Тем не менее то, что они видят суть политического контроля в авторитарном обществе именно так, вовсе не случайно. Западный взгляд на этот предмет во многом определяют – и, вероятно, ограничивают – работы двоих мыслителей, которые десятилетиями размышляли о рассредоточении власти и контроля в условиях демократии, коммунизма и фашизма. Джордж Оруэлл (1903–1950) и Олдос Хаксли (1894–1963), оба – литераторы, оставили заметный след в истории политической мысли. Каждый из них предложил убедительное и крайне своеобразное видение того, как современное правительство может контролировать граждан (в наши дни эти картины преследуют миллионы старшеклассников, которых заставляют сравнивать Оруэлла и Хаксли в сочинениях). Влияние этих писателей на современную общественную жизнь трудно игнорировать. Ни дня не проходит без того, чтобы кто-либо в СМИ, рассуждая о будущем демократии или прошлом тоталитаризма, не помянул одного либо другого. Или сразу обоих: вполне обычное дело – апеллировать одновременно и к Оруэллу, и к Хаксли, будто все виды политического контроля помещаются между этими полюсами. А ловкий политик вполне может выразить восхищение обоими – как, например, Хиллари Клинтон, которая на вопрос о книгах, которые повлияли на нее сильнее всего, назвала поочередно “1984” Оруэлла и “Дивный новый мир” Хаксли.

Оруэлл в “1984” (написан в 1949 году) – самом известном своем произведении, одном из лучших романов XX столетия – делает упор на тотальной слежке и отупляющей пропаганде, которую олицетворяет лишенный смысла “новояз”. В оруэлловском мире люди не имеют права на частную жизнь, поэтому они бережно хранят всякий хлам и клочки газет, поскольку эти вещи находятся вне сферы государственного контроля и напоминают об ином прошлом. Даже домашние телевизоры приспособлены для слежки. Главный герой книги, Уинстон Смит, однажды узнает, что неврологи ищут средства “свести оргазм на нет”: беззаветная преданность партии требует подавления полового влечения.

Хаксли изложил свое видение проблемы в “Дивном новом мире” (1932) и написанном позднее эссе “Возвращение в дивный новый мир” (1958). Наука и техника в хакслианском мире успешно используются для максимизации удовольствия, минимизации одиночества и обеспечения непрерывного потребления (один из официальных лозунгов гласит: “Чем старое чинить, лучше новое купить”). Неудивительно, что в этих условиях люди совершенно теряют способность критически мыслить и соглашаются со всеми ограничениями, накладываемыми властями. Промискуитет поощряется с раннего детства. При этом секс считается не репродуктивным поведением, а общественной деятельностью. Идея семьи объявлена “порнографической”, а общественные отношения построены по принципу “Каждый принадлежит всем остальным”.

Хаксли и Оруэлл были знакомы и переписывались. Оруэлл, будучи моложе Хаксли, даже изучал в Оксфорде под его руководством (недолго) французский язык. В 1940 году Оруэлл сочинил провокационную рецензию на книгу Хаксли, а тот на страницах “Возвращения в дивный новый мир” вернулся и к собственной работе, и к “1984”. Оруэлл считал, что хотя Хаксли и нарисовал “верную карикатуру на гедонистическую утопию”, он все же неверно понял природу власти современного тоталитарного государства. В эссе 1940 года Оруэлл писал: “[‘Дивный новый мир’]... казался возможным, даже неминуемым, пока не

появился Гитлер. К подлинному будущему, однако, он не имеет отношения. Нас ждет нечто, похожее скорее на испанскую инквизицию, а возможно, гораздо хуже, поскольку у нас есть радио и тайная полиция”.

Он не убедил Хаксли. В 1949 году в письме к Оруэллу тот поделился своими сомнениями о системе контроля над обществом, описанной в романе “1984”: “Философия правящего меньшинства в ‘1984’ – это садизм, доведенный до своего логического завершения путем выхода за рамки секса и его отрицания. Мне кажется сомнительным, что политика сапога, топчущего лицо человека, будет продолжаться вечно⁸ ... Полагаю, что правящая олигархия найдет менее трудные и изнурительные способы управления и удовлетворения своей жажды власти и что эти способы будут напоминать те, что я описал в ‘Дивном новом мире’”.

Хаксли, в отличие от Оруэлла, не был убежден в том, что люди – разумные существа, всегда действующие в собственных интересах. Он отметил в эссе “Возвращение в дивный новый мир”, что Оруэлл и другие сторонники свободомыслия, рассуждая об обществе, зачастую совсем забывают о “почти неутолимом человеческом аппетите к развлечениям”. Хаксли, однако, был несправедлив к Оруэллу. Тот не сбрасывал со счетов силу развлечений: *пролов*, низший из трех классов общества, описанного в “1984”, правители держали в узде при помощи дешевого пива, порнографии и лотереи. Однако не это, а страх перед всемогущим, всевидящим Старшим братом стал визитной карточкой оруэлловского романа.

С момента краха СССР стало принято обвинять Оруэлла в том, что он не сумел предсказать расцвет общества потребления и то, насколько техника приблизится к удовлетворению его потребностей. Хотя Олдос Хаксли и упрекают в том, что он недооценивал способность человека образовывать островки инакомыслия даже в условиях господства консюмеризма и гедонизма, все же считается, что он оказался прозорливее Оруэлла (особенно в том, что касается генетики). “‘Дивный новый мир’ – гораздо более точное предсказание будущего тирании, чем видение сталинского террора в ‘1984’ Оруэлла”, – отметил в 2002 году британский писатель-антиутопист Джеймс Баллард в рецензии на биографию Хаксли, напечатанной в газете “Гардиан”. А вот что сказал об этом Нил Постмен в своем бестселлере “Веселимся до смерти”: “Оруэлл боялся, что нас уничтожит то, что мы ненавидим. Хаксли боялся, что нас уничтожит то, что мы любим. Эта книга о том, что, возможно, прав оказался Хаксли, а не Оруэлл”. “[В отличие от ‘Дивного нового мира’], политические прогнозы... в романе ‘1984’ оказались совершенно ошибочными”, – писал Фрэнсис Фукуяма в “Нашем постчеловеческом будущем”. Может, и так, однако многие критики упускают из виду, что целью и Хаксли, и Оруэлла была критика современного им общества, а не общества будущего.

Мишенями Оруэлла были сталинизм и удушающая британская цензура, Хаксли – популярная в то время философия утилитаризма. Иными словами, их книги, возможно, рассказывают куда больше о том, что волновало тогда английских интеллектуалов, чем о представлениях авторов о будущем. Так или иначе, и “Дивный новый мир”, и “1984” заняли почетное место в истории литературы XX века, пусть и в разных разделах. Книга Хаксли – это в первую очередь блестящая критика современного демократического общества с его культом развлечений, секса, рекламы. Роман же Оруэлла и сейчас может служить пособием по изучению современного авторитаризма с его тотальным надзором, контролем над мыслями посредством пропаганды и жесткой цензурой. Оба писателя имели определенную политическую цель: первый целился в фундамент современного капитализма, второй ата-

⁸ Антигерой романа “1984” так излагает принцип управления тоталитарным обществом: “Если вам нужен образ будущего, вообразите сапог, топчущий лицо человека – вечно... Лицо для растаптывания всегда найдется. Всегда найдется еретик, враг общества, для того чтобы его снова и снова побеждали и унижали. <...> Никогда не прекратятся шпионство, предательства, аресты, пытки, казни, исчезновения. Это будет мир террора – в такой же степени, как мир торжества” (пер. В. Голышева). – *Прим. перев.*

ковал основы современного авторитаризма. Олдос Хаксли, отпрыска именитой британской семьи, беспокоила растущая коммерциализация жизни на Западе. (Хаксли нашел утешение в галлюциногенных наркотиках и сочинил об этом книгу “Двери восприятия” (*The Doors of Perception*), которая позднее подсказала Джиму Моррисону название для его рок-группы). Оруэлл, убежденный социалист, неожиданно стал любимым автором Рональда Рейгана и правых (по словам писателя Майкла Скармелла, Оруэлл был “святым покровителем холодной войны”). Комитет за свободный мир (ведущая неоконсервативная организация 80-х годов) даже назвал свое издательство “Оруэлл пресс”.

Однако два десятилетия спустя после развала СССР противопоставление взглядов Оруэлла и Хаксли на природу политического контроля выглядит устаревшим, если не ложным. Оно тоже является продуктом эпохи холодной войны и склонности ее участников к пристрастной оценке этого идеологического противостояния. В действительности оруэлловской тотальной слежки было предостаточно в маккартистской Америке, в то время как в хрущевском Советском Союзе было много удовольствий и развлечений. Само по себе существование мысленной системы координат, полюсами которой являются позиции Оруэлла и Хаксли, диктует собственную в высшей степени обманчивую динамику. Нельзя стоять разом на обеих этих позициях. Думать, что все политические режимы уместаются между Оруэллом и Хаксли, было бы опасным упрощением. А считать, будто правительство будет выбирать между перлюстрацией и закармливанием населения дешевыми развлечениями, – значит упускать из вида тот вариант, что сообразительное правительство может одновременно заниматься и тем и другим.

Жить станет не лучше, но точно веселее

Пользуясь современным сленгом, можно сказать, что пора уже “замиксовать” подходы Оруэлла и Хаксли. Для понимания современного авторитаризма (и современного капитализма, прибавят некоторые) понадобятся озарения обоих мыслителей. Ригидность мышления, обусловленная оруэлловско-хакслианской системой координат, ведет к тому, что даже проницательный наблюдатель может не заметить хакслианские элементы в диктатуре и, что еще опаснее, оруэлловские элементы – в демократии. Именно поэтому так легко упустить из виду то, о чем говорила Наоми Кляйн: “Китай становится внешне похожим на Запад (кофейни ‘Старбакс’, рестораны ‘Хутерс’, мобильные телефоны круче наших), а Запад становится похожим на Китай в менее заметных чертах (пытки, несанкционированное судом прослушивание переговоров, бессрочное содержание под стражей, пусть далеко не в китайских масштабах)”.

Кажется вполне логичным, что большинство современных диктаторов готовы предпочесть оруэлловскому миру хакслианский, – уже потому, что контролировать население с помощью развлечений дешевле и не так хлопотно, как путем репрессий. Когда в высшей степени склонное к запретам правительство Мьянмы разрешает, а иногда и спонсирует, фестивали хип-хопа, оно вдохновляется точно не оруэлловским романом.

Все диктаторы, кроме явных садистов, жаждут не крови, а денег и власти. И тем лучше, если они могут получить власть и деньги, не прибегая к арестам, цензуре и слежке, а просто отвлекая людей. В долгосрочной перспективе эта тактика оказывается гораздо эффективнее круглосуточного полицейского надзора. Если Старшему брату уже не нужно следить за гражданами, поскольку они сами следят по ТВ за перипетиями “Старшего брата”⁹, у демократической революции вряд ли есть будущее.

Предлагая массу способов отвлечься, интернет только усилил диктатуры хакслианского типа. “Ю-Тьюб” и “Фейсбук” с их неиссякаемым запасом дешевых развлечений позволяют людям найти занятие на любой вкус. Когда Филип Рот предупреждал чехов об опасности, которую несет коммерческое телевидение, он говорил и о том, что телевидение может сделать невозможной такую революцию, как в 1989 году. Чехам повезло: индустрией развлечений в Чехословакии руководили нерасторопные аппаратчики. Люди заскучали и занялись политикой. Но уж в чем новые медиа и интернет действительно преуспели, так это в подавлении скуки. Она являлась одним из немногих действительно важных факторов политизации населения, лишенного возможности выпустить пар. Теперь это не так. В определенном смысле интернет сделал развлечения граждан авторитарных и демократических стран очень похожими. Чехи сейчас смотрят то же самое голливудское кино, что и белорусы, и, вполне вероятно, загружают его с тех же сербских или украинских пиратских серверов. Единственная разница в том, что в Чехии уже произошла демократическая революция, и ее результаты были закреплены принятием страны в Евросоюз. Беларуси же повезло меньше – перспективы демократической революции в этой стране в эпоху “Ю-Тьюба” представляются весьма сомнительными.

Иными словами, интернет принес развлечения того сорта, о котором говорил Филип Рот, в самые закрытые общества и не разрушил при этом авторитаризм. Кроме того, “Ю-Тьюб” для пользователей бесплатен (если только диктаторы тайно не жертвуют деньги Голливуду), так что средства, сэкономленные на производстве унылых развлекательных программ, государство может тратить на что-либо другое.

⁹ Популярное реалити-шоу. – Прим. перев.

То, что свобода интернета приобрела антидемократическое измерение, не значит, что диктаторы это спланировали. В большинстве случаев это просто результат проявленной ими некомпетентности. Позволили ли бы диктаторы пользоваться согражданам “Ю-Тьюбом”, если бы они попросили об этом? Вероятно, нет: авторитарные правители далеко не всегда осознают стратегическое значение развлечений и переоценивают риск народных волнений. Они разрешили интернет только по недомыслию или по ошибке. Однако оказалось, что подопечная молодежь интересуется вовсе не блогами, высмеивающими государственную пропаганду, а дурацкими сайтами, посвященными, например, “ржачным котикам” (*lolcats*). (Смею вас заверить, что скоро какой-либо аналитический центр объявит о том, что наступила эпоха “авторитаризма с кошачьей мордой”.) Те из нас, кому небезразлично будущее демократии на земном шаре, должны перестать мечтать и взглянуть в лицо действительности: интернет предоставляет гражданам авторитарных стран столько дешевых и доступных способов отвлечься, что становится гораздо труднее в принципе заинтересовать людей политикой. Хакслианское измерение авторитарного контроля обозреватели и политики по большей части игнорируют. Находясь под влиянием таких критиков современного капитализма, как Герберт Маркузе и Теодор Адорно, они замечают его главным образом в демократических обществах. Идеализация граждан авторитарных государств неминуемо приведет к ошибочной политике. Если Запад стремится спровоцировать революцию или хотя бы усилить накал политической дискуссии, с такой установкой он вряд ли преуспеет: обеспечить этих людей инструментами для преодоления цензуры – это примерно то же самое, что вручить человеку, далекому от современного искусства, годовой абонемент в музей. В 99 % случаев это не сработает. Я не против музеев или борьбы с цензурой. Я просто призываю подумать о стратегии, свободной от утопизма.

Троица авторитаризма

Допустим, “контроль с помощью развлечений” применим не ко всем. Некоторые так обозлены на свои правительства, что не изменяют своей точки зрения, сколько их ни развлекай. К тому же западные правительства и фонды всегда находят способы политизировать местное население, даже если это подразумевает возбуждение межэтнической или религиозной вражды, – верный способ разжечь ненависть в век “Ю-Тьюба”. Таким образом, отдельные элементы политического контроля в оруэлловском духе так или иначе должны присутствовать, – например, чтобы заставить повиноваться тех, кто не утратил способность мыслить самостоятельно. Несмотря на успех редукционистских моделей, заставивших многих на Западе поверить в то, что информация способна победить авторитаризм, она продолжает служить инструментом пропаганды, цензуры и слежки, – трех столпов авторитарного контроля по Оруэллу.

С появлением интернета состав этой “троицы авторитаризма” остался прежним, однако он заметно изменил соотношение ее элементов. Децентрализация интернета, возможно, сильно затруднила всеобъемлющую цензуру, однако она сделала пропаганду эффективнее, так как посылаемые правительством сигналы стало возможно распространять через неявно подконтрольные ему блоги. Удешевление шифрования онлайн-коммуникаций, может, и обезопасило “профессиональных” политических активистов, однако распространение сервисов “веб 2.0” (особенно социальных сетей) превратило активистов-любителей в удобные объекты слежки.

Но если мы на Западе ничего не можем поделать с усиливающейся притягательностью “Ю-Тьюба” и “ржачных котиков” (сетевые развлечения, скорее всего, останутся мощным, хотя и вторичным, орудием авторитарного арсенала), можно воздействовать на каждый из трех столпов авторитаризма. Опасность, однако, кроется в том, что западные лидеры могут, как прежде, попытаться решить проблему средствами, знакомыми еще со времен холодной войны, когда обычным ответом на ужесточение цензуры в СССР была мощная информационная атака со стороны “Радио Свобода” и его аналогов. Мы должны побороть желание поступить так же. Стратегия радиостанций, вещавших на страны восточного блока в времена холодной войны была сравнительно простой. Финансируя как можно больше радиопередач, западные политики стремились сделать так, чтобы авторитарная пропаганда не осталась без ответа или была ослаблена, чтобы драконовская система цензуры была разрушена и чтобы как можно больше слушателей усомнились в основах коммунистического учения.

Имея дело с радио, было относительно легко проследить, как усилие приводит к определенному результату. Так, когда Советы глушили передачи западных радиостанций, было достаточно просто прибавить громкости, – Запад отвечал за все программирование и не сомневался, что влияние радиопередач приведет к желаемой политизации масс. Советские не могли перехватить сигнал с Запада и отправить его обратно, а у радиослушателей не было возможности выбирать одни развлечения, избегая политики. (Не все программы носили политический характер, но даже передачи о западном образе жизни, как правило, раскрывали глаза на моральную несостоятельность советской системы.)

В отношении интернета такой уверенности нет. У Запада гораздо меньше рычагов влияния на интернет, чем на радио. Интернет гораздо капризнее. Он вызывает побочные эффекты, которые ослабляют влияние пропаганды, зато делают действеннее слежку. Или, например, помогают обойти цензуру, при этом делая общественность восприимчивее к пропаганде. Интернет крепко связал три информационных столпа авторитаризма, поэтому попытки Запада повалить один из них могут помешать расшатывать два других.

Вот один пример: как бы ни было заманчиво объединяться в социальных сетях и блогах, чтобы обойти цензуру, это столпотворение играет на руку тем, кто курирует слежку и пропаганду. Чем больше связей активистов друг с другом правительство сможет найти, тем лучше для него. И чем больше доверия у пользователей вызывают блоги и социальные сети, тем легче использовать их для трансляции завуалированных сигналов правительства и стимулирования аппарата пропаганды. Единственный способ избежать опасных ошибок и не позволить авторитаризму укрепить свои позиции – это тщательно изучить, как в эпоху интернета изменились принципы слежки, цензуры и пропаганды.

Глава 4

Чего хотят цензоры

Хотя западная пропаганда времен холодной войны была не такой уж убедительной, она оказалась действенной по крайней мере в одном отношении. Она породила настолько устойчивый миф об авторитаризме, что его трудно развенчать даже сейчас, десятилетие спустя после начала XXI века. Многие западные обозреватели до сих пор считают, что авторитарные государства населены гиперактивными двойниками Артура Кестлера (умными, бескомпромиссными и готовыми к смертельному риску во имя свободы), а управляют ими нелепые диснеевские персонажи – глупые, рассеянные, без навыков выживания, постоянно находящиеся на грани группового самоубийства. Борьба и сопротивление – нормальное состояние первых, пассивность и некомпетентность – нормальное состояние последних. А если так, то все, что требуется для изменения мира – это представить бунтарей друг другу, направить на них струю шокирующей статистики, доселе им не известной, и вручить несколько новеньких блестящих гаджетов. Ура! Революция не за горами: перманентный бунт, согласно этому взгляду, – естественная черта авторитаризма.

Но такая картина больше говорит о западных предубеждениях, чем о современных авторитарных режимах. Их живучесть можно объяснить самыми разными причинами – высокими ценами на нефть, полным или частичным отсутствием опыта демократии, тайной поддержкой аморальных западных правительств, дурными соседями, но в этот перечень, как правило, не входит неосведомленность граждан, которые жаждут освобождения при помощи электронной бомбардировки фактоидами и колкими твитами. Подавляющее большинство граждан современной России или Китая не читают “Слепящую тьму” Кестлера перед сном. И будит их по утрам не джингл “Голоса Америки” или “Радио Свобода”, а, скорее всего, та же надоедливая песня леди Гага из надрывающегося айфона, что и западных обывателей. Даже если они предпочли бы жить в демократической стране, для многих это означает скорее работающее правосудие, чем наличие свободных выборов и других институтов западной либеральной демократии. Для многих свободные выборы не столь ценны, как возможность получить образование или медицинскую помощь, не давая при этом взятку десятку жадных чиновников. Более того, граждане авторитарных государств не обязательно считают, что их правительства, получившие власть недемократическим путем, нелегитимны. Легитимность правительству могут обеспечить не только выборы, но и шовинистические настроения, как в Китае, или страх перед иностранными агрессорами, как в Иране, или быстрый экономический рост, как в России, или низкий уровень коррупции, как в Беларуси, или эффективность государственного управления, как в Сингапуре.

Чтобы понять, как интернет влияет на авторитаризм, нужно отвлечься от очевидных способов использования интернета политической оппозицией и посмотреть, как он способствует легитимации современного авторитаризма. Внимательно изучив блогосферу почти любого авторитарного государства, вы, вероятно, увидите, что она представляет собой питательную среду для национализма и ксенофобии, причем нередко настолько ядовитую, что правительство на фоне блогеров выглядит настоящим клубом космополитов. Трудно сказать, как отразится радикализация националистических взглядов на легитимности режима, но очевидно, что сторонникам модели плавной демократизации, которой кое-кто ожидал после появления интернета, рассчитывать не на что. Точно так же блогеры, разоблачающие местную коррупцию, легко могут стать (и становятся) участниками антикоррупционной кампании, затеянной федеральными политиками. Общий эффект для режима в этом случае трудно оценить. Блогеры могут ослабить влияние местных властей, одновременно усилив позиции

федерального центра. Трудно предугадать, какой может быть роль интернета, не осознав прежде, как именно поделена власть между центром и периферией и как изменение отношений между ними влияет на демократизацию.

Взгляните на то, как “вики” и социальные сети (не говоря уже о разнообразных сетевых начинаниях государства) повышают эффективность и правительств, и бизнеса, которому те покровительствуют. В речах нынешних авторитарных лидеров, одержимых модернизацией экономики, модные словечки звучат чаще, чем в среднестатистической передовице “Гарвард бизнес ревю”. (Владислав Сурков, один из главных кремлевских идеологов и попечитель российской Кремниевой долины, недавно признался, что ему очень нравится “метод краудсорсинга или, как раньше говорили, ‘народной стройки’”). Так, центральноазиатские авторитарные режимы охотно перенимают методы электронного правительства. Однако причина их увлечения модернизацией заключается не в желании сделать чиновников ближе к народу, а в том, чтобы получить деньги от зарубежных спонсоров вроде МВФ и Всемирного банка, а также устранить препятствия на пути экономического роста.

Институты – это важно

Выживание авторитарного режима во все большей степени зависит от разделения власти и институционального строительства: двух процессов, которые политологи обычно игнорируют. Даже такие знатоки современной политики как Збигнев Бжезинский и Карл Фридрих в своей ставшей классикой книге “Тоталитарная диктатура и автократия” (1965) советуют не обращать внимания на институты: “Читатель, вероятно, удивлен тому, что мы не обсуждаем ‘структуру управления’ или, например, ‘конституции’ этих тоталитарных государств. Дело в том, что эти структуры совершенно не важны”.

Такие жесткие концептуальные рамки могли быть полезны для изучения сталинизма, однако они не годятся для объяснения внутреннего устройства современных авторитарных государств, которые пекутся об организации выборов, формировании парламентов и подкармливании судей. Если авторитарные режимы решаются даже объявлять выборы, почему бы не предположить, что они допустят и ведение блогов по причинам, которые пока не ясны западным аналитикам?

“Институты, нередко утверждают исследователи авторитаризма, – это не что иное, как очковитительство, – полагает профессор политологии Нью-Йоркского университета Адам Пшеворски. – Но зачем некоторые диктаторы этим занимаются?” И в самом деле: зачем? В последние тридцать лет политологи назвали множество вероятных мотивов. Одни правители хотят выделить наиболее способных бюрократов, заставляя их участвовать в бутафорских выборах. Другие привлекают на свою сторону потенциальных врагов, предлагая им поучаствовать в сохранении режима в обмен на кресло в немогущем парламенте или ином квазипредставительном органе. Третьим рассуждения о демократии помогают получать на Западе деньги, а институты – особенно узнаваемые, прочно ассоциирующиеся с либеральной демократией – это все, чем обычно довольствуется Запад.

Кажется, однако, что самые “прогрессивные” диктаторы не только устраивают фиктивные выборы, но и умудряются проводить их с блеском, который обеспечивают современные технологии. Как еще объяснить то, что на выборах 2009 года в Азербайджане решили установить на участках для голосования пятьсот веб-камер? Пиар вышел отменный, но это не приблизило выборы к демократическим стандартам: львиная доля манипуляций совершилась еще до начала избирательной кампании. У подобных шагов может быть и более зловещая подоплека. Так, Башир Сулейманлы, исполнительный директор азербайджанского Центра мониторинга выборов и обучения демократии, накануне выборов заявил журналистам, что “местные исполнительные органы и бюджетные организации диктуют своим сотрудникам, за кого им голосовать, и запугивают людей веб-камерами, на которые будет фиксироваться их участие в выборах и то, за кого они станут голосовать”. Российские власти также считают, что подобие прозрачности, обеспеченной веб-камерами, может улучшить их демократическое реноме. После летних пожаров 2010 года, уничтоживших множество российских деревень, Кремль распорядился установить веб-камеры на стройплощадках, так что за ходом возведения домов для погорельцев можно было следить в режиме реального времени. Правда, это не избавило власти от жалоб со стороны будущих новоселов – у жителей глубинки не было компьютеров и пользоваться интернетом они не умели.

Диктаторам нравится создавать разнообразные институты – хотя бы для того, чтобы подольше задержаться у власти. Относительную пользу интернета, особенно блогосферы, необходимо рассматривать через ту же самую институциональную призму. Блогеры бывают слишком полезны, чтобы избавляться от них. Многие из них талантливы, изобретательны, великолепно образованы, и только недалёковидный диктатор станет воевать с ними, вместо того чтобы их использовать. Разумнее создать такую среду, в которой присутствие блогеров

будет символом “либерализации” для внешнего и внутреннего употребления. К тому же их можно привлечь к генерированию новых идей и идеологий в случае дефицита интеллектуальных ресурсов.

Неудивительно, что во многих авторитарных странах уже начались попытки институционализировать блогинг. Чиновники в некоторых государствах Персидского залива призывают к созданию блогерских ассоциаций. А один из российских высших чиновников [Сергей Миронов] предложил учредить “единый национальный консультативный орган ведущих участников Сети и ведущих блогеров”, который выработал бы стандарты приемлемого поведения в блогосфере. В этом случае Кремлю не придется прибегать к внешней цензуре. Такие “консультативные органы”, скорее всего, окажутся укомплектованными прокремлевскими блогерами, и это еще один способ скрыть стремление контролировать Рунет, не прибегая к повальному закрытию сайтов. Такие попытки могут окончиться ничем (на что Западу остается только надеяться), однако они указывают на то, что авторитарным правительствам присущ трезвый операционалистский взгляд на блогинг, который намного реалистичнее отношения к блогерам как к диссидентам XXI века.

Полагая всю интернет-активность в авторитарных государствах заведомо политической и оппозиционной, мы рискуем не заметить многое из того, что делает ее такой богатой и разносторонней. Западные медиа обращают много внимания на то, что “поисковики плоти” (те, кто клеймит позором официальных лиц и интернет-пользователей, публикуя личные данные) делают правительство Китая сговорчивее. Однако СМИ редко сообщают о том, что и правительство находит способы использовать “поисковики плоти” в собственных целях. Так, в марте 2010 года интернет-пользователь из китайского города Чанчжоу пожаловался на загрязненность реки Бэйтан и, обвинив в этом главу местного бюро защиты природы, потребовал отставки чиновника. Местная администрация мобилизовала местных “поисковиков плоти”, чтобы выследить жалобщика и... вручить ему награду: две тысячи юаней.

Один из соблазнов, которых следует избегать западным наблюдателям, – принимать корректировку методов авторитарных правительств за признак демократизации. Это заблуждение. Авторитарным правительствам помогает так долго оставаться на плаву не стагнация, а вечное движение. Современное авторитарное государство напоминает “Арго”, корабль Тесея: его чинили и перестраивали столько раз, что даже сами аргонавты не были уверены, что в корпусе осталась хоть одна доска из тех, которые были в начале путешествия.

Видные западные ученые-блогеры вроде Гленна Рейнольдса (он ведет блог *Instapundit*) славят мобильную связь. Они утверждают, что “превращение безответственной, кровожадной сталинистской (маоистской) тирании в нечто такое, что отвечает на звонки мобильных телефонов, – это достижение, с которым следует считаться”. Мы не должны расслабляться. Тирания с мобильником в руке остается тиранией: не следует думать, будто тиран не может забавляться с айфоном. Предполагаемые успехи “демократизации” могут показаться куда менее впечатляющими, если мы осознаем, что косвенно они помогают выживанию диктатур, просто в несколько иной форме.

Кремль любит блоги – полюбите их и вы

Современные диктаторы, вопреки западным стереотипам, – вовсе не недоумки, которые бездельничают в своих непроницаемых для информации бункерах, пересчитывают богатства, как Скрудж Макдак, и только и ждут, когда их свергнут. Совсем наоборот: диктаторы – активные потребители и поставщики информации. На самом деле сбор информации, особенно об угрозах режиму, – одно из важнейших условий сохранения авторитаризма. Но диктатор не может просто выйти на улицу, чтобы расспросить прохожих, – ему приходится прибегать к помощи медиаторов (чаще всего эту роль играет тайная полиция).

Обращение к посредникам редко дает адекватное представление о происходящем (потому, например, что никто не хочет нести ответственность за неизбежные промахи системы). Вот почему с глубокой древности правители всегда старались получать информацию из разных источников. Интернет-стратегия Махмуда Ахмадинежада имеет давнюю традицию. В XIX веке иранский монарх Насреддин-шах Каджар опутал страну сетью телеграфных проводов и требовал *ежедневных* докладов даже от чиновников низшего ранга (чтобы перепроверять доклады вышестоящих чиновников). Эта линия поведения вполне соответствовала наставлению из знаменитой “Книги о правлении” визиря Низама аль-Мулька (XI век): “Государю необходимо ведать все о народе и о войске, вдали и вблизи от себя, узнавать о малом и великом, обо всем, что происходит”.

Известному социологу Итиэлю де Сола Пулу, одному из видных теоретиков XX века, размышлявших о технике и демократии, принадлежит важная роль в формировании западного понимания роли информации в авторитарных государствах. “Авторитарное государство внутренне непрочное и быстро потерпит крах, если информация станет распространяться беспрепятственно”, – писал Пул. Подобная точка зрения породила популярный взгляд на проблему и, несомненно, заставила Пула и его многочисленных последователей переоценить освободительную силу информации. (Пул, разочаровавшийся в троцкизме, также широко известен тем, что переоценил влияние западных радиоголосов, поскольку опирался главным образом на письма, которые восточно-европейцы слали в редакцию “Радио Свободная Европа”.) Подобный техноутопизм проистекает из поверхностного прочтения политики и динамики авторитарных государств. Если вслед за Пулом предположить, что структуры авторитарного государства покоятся главным образом на подавлении информации, то, стоит Западу найти способ наделать в этих структурах дырок, как демократия информационным ливнем хлынет сквозь них на головы угнетенных.

При внимательном рассмотрении позиция Пула и его единомышленников оказывается противоречащей здравому смыслу, и это не случайно. Разумеется, выгодно иметь как можно больше источников информации, хотя бы для того, чтобы замечать возникающие угрозы режиму. (В этом отношении древние иранские правители были мудрее современных западных ученых.) Информация, поступающая из различных независимых источников, может усилить авторитарные режимы или по крайней мере законсервировать их. Проницательный свидетель последних лет СССР заметил в 1987 году: “Наверняка бывают дни (может быть, наутро после Чернобыля), когда Горбачеву хочется купить кремлевский эквивалент ‘Вашингтон пост’ и выяснить, что же на самом деле происходит в его... стране чудес”. (Горбачев упоминал о том, что западные радиопередачи помогли ему следить за событиями путча в августе 1991 года, когда он был заперт на даче в Форосе.)

Сейчас нет нужды охотиться за российским эквивалентом “Вашингтон пост”. Даже в отсутствие действительно свободной прессы Дмитрий Медведев может узнать почти все, что ему нужно, из блогов. Однажды он признался, что зачастую именно с этого начинается рабочий день (Медведев – большой поклонник электронных книг и айпада).

Президенту не приходится тратить много времени на поиски жалоб. Обиженный местным чиновником россиянин может пожаловаться президенту, оставив комментарий в его блоге (это очень распространенная в России практика). Чтобы заработать пару бесплатных очков, подчиненные Медведева с большой помпой латают ветшающую инфраструктуру и увольняют коррумпированных чиновников. Президент, однако, действует избирательно и скорее в целях пиара, чем ради устранения недостатков системы. Никто не знает, что происходит с жалобами, содержащими слишком серьезную критику в адрес властей, однако известно, что довольно много едких комментариев быстро исчезают из президентского блога. Владимир Путин тоже любит собирать жалобы в ходе ежегодной “прямой линии” на ТВ. Но в 2007 году офицер милиции сообщил оператору линии, что хочет пожаловаться на коррупцию в своем подразделении. Звонившего вычислили и наказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.